THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

РУССКАЯ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ДЛЯ

ДѢВИЦЪ.

ЧАСТЬ I.

Жуковскій, Денисъ-Давыдовъ, Козловъ, Языковъ,
Дельвигъ, Баратынскій, Лермантовъ, Кольцовъ.

Редакція Владиміра Стоюнина.

Изданіе Я. В. Писарева и К°
Продается въ Караванной, домъ № 24, въ бель-этажѣ.

PG 3232
.R795
1859

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ С. Петербургъ 9 Октября 1858 года.

Цензоръ *А. Фрейганъ*.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОДЕВА И КОМП.

1859.

91-10187

ПОЭЗІЯ ЖУКОВСКАГО.

Жуковскій родился въ 1784 году въ селѣ Мишенскомъ, въ тульской губерніи бѣлевскаго уѣзда, воспитывался сперва въ Тулѣ въ училищѣ, потомъ въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ. Первое его стихотвореніе, обратившее на него общее вниманіе, былъ переводъ элегіи англійскаго поэта Грея «Сельское кладбище», напечатанный въ 1802 г. Въ немъ онъ показалъ родство своей души съ элегическими произведеніями новой романтической поэзіи. Это была поэзія сердца. Она стремилась выразить всѣ тайныя сердечныя движенія, всѣ сокровенныя чувства души, всѣ возвышенныя достоинства человѣка, которыя живутъ въ немъ независимо отъ всего земнаго, скоропреходящаго. Отсюда явились порывы души отъ земли къ небу, гдѣ все прекрасное живетъ вѣчно; отсюда же развились мечтательность, таинственность, грустный взглядъ на настоящее, думы о загробной жизни, наконецъ сочувствіе къ средневѣковымъ народнымъ вѣрованіямъ въ тѣсную связь міра земнаго съ міромъ невидимымъ, который населялся духами, привидѣніями и другими тайными существами. Поэты, очарованные этою таинственностью, стали повторять старые народные разсказы, назвавъ ихъ *балладами*. Эта поэзія, получившая свое начало въ Германіи и въ Англіи, рѣзко отличилась отъ французской, названной классическою,

въ слѣдствіе ея подражанія формамъ древней классической поэзіи. Чтобы не смѣшаться съ этою послѣднею, новая нѣмецкая и англійская поэзія назвалась *романтическою*, въ подражаніе средневѣковой, которая носила то же названіе, потому что выражалась на языкахъ *романскихъ*, (происшедшихъ отъ латинскаго или римскаго, какъ напр. французскомъ, италіянскомъ, испанскомъ). Въ тѣ вѣка именемъ поэзіи романтической она также отличалась отъ классической латинской. Эта-то новая поэзія и прельщала нѣжное сердце Жуковскаго. Но какъ каждый человѣкъ тѣсно связанъ со своимъ прошедшимъ и не вдругъ можетъ освободиться отъ того вліянія, подъ которымъ онъ воспитанъ, такъ и Жуковскій, воспитанный подъ вліяніемъ нашей классической поэзіи, которая была подражаніемъ французской, не могъ вдругъ разорвать съ нею связи. Его первыя оригинальныя произведенія составляютъ какъ бы переходъ отъ классической къ романтической поэзіи; въ нихъ встрѣчаются и новыя романтическія стремленія и тѣ героическіе образы, которые такъ любила старая поэзія, таковы его Пѣснь Барда на гробѣ Славянъ-побѣдителей, Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ и др. Точно такъ же въ нѣкоторыхъ видно вліяніе Карамзина, который отличался особенною сердечною чувствительностью, названною у насъ сантиментальностью.

Съ 1812 года Жуковскій вполнѣ обратился къ нѣмецкому романтизму, и не только перевелъ многія произведенія, но и составлялъ свои въ томъ же духѣ какъ напр. Громобой, Эолова арфа и др. Въ 1817 году приглашенный ко Двору, онъ былъ назначенъ наставникомъ русской словесности при великой кня-

гинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, впослѣдствіи русской Императрицѣ; а съ 1825 опредѣленъ воспитателемъ при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ. Совершивъ эту высокую обязанность, Жуковскій отправился на житье въ Германію, гдѣ былъ и прежде того нѣсколько разъ. Тамъ онъ написалъ много прекрасныхъ произведеній, составившихъ украшеніе нашей поэзіи, какъ напр. Ундина, Наль и Дамаянти, Рустемъ и Зорабъ и наконецъ занялся переводомъ съ нѣмец. Одиссеи, древнѣйшаго памятника греческой поэзіи. Онъ умеръ въ 1852 году въ Германіи. Поэзія его отличается мечтательностью, стремленіемъ къ небесной красотѣ, или, по его выраженію, къ генію чистой красоты, которой онъ не находилъ на землѣ и которую представлялъ себѣ какъ утрату въ прошедшемъ, какъ милую надежду въ загробномъ будущемъ. Отсюда его постоянная грусть въ настоящемъ; въ ней онъ находилъ даже наслажденіе. Онъ порывается отъ земли въ ту сферу, которую опредѣляетъ не иначе, какъ словами *тамъ* и *туда*. Нѣмецкія и англійскія баллады съ разсказами о всѣхъ чудесахъ, созданныхъ фантазіей среднихъ вѣковъ, также пришлись ему по сердцу. Онъ если не вѣрилъ въ нихъ, то понималъ тѣ чувства, какія они возбуждаютъ въ невинныхъ сердцахъ, видѣлъ ихъ поэтическую сторону и передавалъ ее дѣйствительно поэтическимъ стихомъ, какимъ до него не писалъ никто изъ русскихъ поэтовъ.

КЪ К. М. С...ОЙ.

1807.

Протекшихъ радостей уже не возвратить;
Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.
Уже ли все мечта? Напрасно-ль слезы лить?
Уже ли наша жизнь есть только привидѣнье,
И трудная стезя (*) къ ничтожеству ведетъ?
Ахъ! нѣтъ, мой милый другъ, не будемъ безнадежны;
Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ,
Незримая Рука, простертая предъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями;
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ,
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но раполь, поздно-ли, мы радостно вздохнемъ:
Надеждой невотще (**) насъ Небо одарило.

ЦВѢТОКЪ.

1810.

Минутная краса полей,
Цвѣтокъ увядшій, одинокой,
Лишенъ ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! намъ тотъ же данъ удѣлъ,
И тотъ же рокъ насъ угнетаетъ:

---

* Тропинка, путь.
** Непапрасно.

Съ тебя листочекъ облетѣлъ,
Отъ насъ веселье отлетаетъ.

Отъемлетъ каждый день у насъ
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушаетъ часъ
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри.... очарованья нѣтъ;
Звѣзда надежды угасаетъ....
Увы! кто скажетъ: жизнь иль цвѣтъ
Быстрѣе въ мірѣ изчезаетъ?

ЖАЛОБА.

(Изъ Шиллера)

1810.

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ;
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.
«Такъ бѣгутъ лѣта младыя
Невозвратною струей;
Такъ всѣ радости земныя—
Цвѣтъ увядшій полевой.

Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ.
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣтъ;
Я смотрю—и холмъ веселый

И поля омрачены;
Для души оспротѣлой
Нѣтъ цвѣтущія (*) весны.

Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть одна во всей вселеннсй—
Къ ней душа, и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки—
Милый признакъ прочь летитъ;
Кто-жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ?

ЖЕЛАНІЕ.

(Изъ Шиллера.)

1810.

Озарися долъ туманный;
Раступися, мракъ густой!
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ....
Ахъ, за чѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Тамъ поютъ согласны лиры;
Тамъ обитель тишины;
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны;
Тамъ блестятъ плоды златые

---

* Старый родит. пад. вмѣсто *цвѣтущей*.

На сѣнистыхъ деревахъ;
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.

О предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна!
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!
Полечу туда.... напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ;
Предо мной потокъ ужасный
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу.... гдѣжъ вожатый?
Ѣдемъ!... будь что суждено....
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей волшебный край чудесъ.

ПѢВЕЦЪ.

1810.

Въ тѣни деревъ надъ чистыми водами
Дерновый холмъ вы видите ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя;
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межь листами,
На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ....
Увы! друзья, сей холмъ—могила;
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла;
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ сердцемъ простъ, онъ нѣженъ былъ душою—
Но въ мірѣ онъ минутный странникъ былъ;
Едва разцвѣлъ— и жизнь ужъ разлюбилъ,
И ждалъ конца съ волненьемъ и тоскою;
И встрѣтилъ онъ конецъ,
Заснулъ желаннымъ сномъ могилы....
Твой вѣкъ былъ мигъ, но мигъ унылый,
Бѣдный пѣвецъ!

Онъ дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку—
Но вѣрный другъ во цвѣтѣ лѣтъ угасъ;
Онъ пѣлъ любовь—но былъ печаленъ гласъ;
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конецъ;
Твоя душа покой вкусила,
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бѣдный пѣвецъ!

Здѣсь, у ручья, вечернею порою,
Прощальну пѣснь онъ заунывно пѣлъ:
«О красный (*) міръ, гдѣ я вотще разцвѣлъ,
Прости на вѣкъ; съ обманутой душою
Я счастья ждалъ—мечтамъ конецъ!
Погибло все; умолкни лира;
Скорѣй, скорѣй въ обитель мира,
Бѣдный пѣвецъ!»

«Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой;
Желать всякъ часъ и трепетать желанья....
О пристань горестныхъ сердецъ,
Могила, вѣрный путь къ покою,

(*) *Прекрасный* отъ слова *краса*.

Когда же будетъ взятъ тобою
Бѣдный пѣвецъ!»

И нѣтъ пѣвца.... его не слышно лиры...
Его слѣды изчезли въ сихъ мѣстахъ;
И скорбно все въ долинѣ, на холмахъ;
И все молчитъ.... лишь тихіе зефиры,
Колебля вянущій вѣнецъ,
Порою вѣютъ надъ могилой,
И лира вторитъ имъ уныло:
Бѣдный пѣвецъ!

СИРОТКА.

1813.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала;
Веселье спутникъ дѣтскихъ лѣтъ—
А ей судьба въ немъ отказала.
Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее грядущее страшило....
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О Ты, святое Провидѣнье!
Въ твоемъ владѣньи нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ — заблужденье;
Всегда къ добру Твой путь ведетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита;
Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье....

На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабостъ съ нищетой.

О Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь Ты!

И породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой:
Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель...
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ Милость въ пристани ждала.

О Ты святое Провидѣнье!
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣдъ!
Творишь изъ гибели спасенье;
Ведешь къ добру стезею бѣдъ.

Играй, дитя, гроза прошла;
Ужасный громъ ударилъ мимо;
Тебя мать добрая нашла
Намѣсто матери родимой:
Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта...
Молись же, чтобъ Творецъ защита
Былъ той, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, Провидѣнье,
Прими ее подъ щитъ любви;
Она чужихъ дѣтей спасенье —
Ея дѣтей благослови.

—

ДОБРАЯ МАТЬ.

1813.

Богъ въ міръ ее послалъ,
Себѣ на прославленье
«Будь скорбнымъ Провидѣнье!»
Создавъ ее, сказалъ:
«Кто, счастія лишенъ,
Назвалъ его мечтою,
Да будетъ здѣсь тобою
Съ надеждой примиренъ.»

Угрюмый нелюдимъ,
Людей возненавидя,
И міръ подвластный видя
Порокамъ лишь однимъ,
Узнавъ ее, людей
Въ жару души прощаетъ,
И снова обрѣтаетъ
Онъ добродѣтель въ ней.

Что жъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей (*) чудесныхъ?
Двухъ Ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Чтобъ въ сей юдоли (**) слезъ
Ее не покидали.
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

---

* Возвышенныхъ качествъ.
** Долинѣ.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

1814.

Любовь, Надежда и Терпѣнье:
На жизнь порядочный запасъ.
Впередъ безъ страха, въ добрый часъ;
За все порука Провидѣнье.

Блаженъ, кому Любовь во слѣдъ!
Она веселье въ жизнь вливаетъ,
И счастье радугу являетъ
На самой грозной тучѣ бѣдъ.

Пока заря не возсіяла —
Бездушенъ, хладенъ, тихъ Мемнонъ; (*)
Заря взошла—и дышетъ онъ,
И радость въ мраморѣ взыграла.

Таковъ любви волшебный свѣтъ,
Великихъ чувствъ животворитель,
Къ дѣламъ возвышеннымъ стремитель;
Любви нѣтъ въ сердцѣ — жизни нѣтъ!

Надежда съ чашею отрады
Намъ добрый спутникъ—вѣрь, но знай,
Что не земля, а небо рай;
Вѣрнѣй быть добрымъ безъ награды.

(*) Статуя царя-Мемнона, стоявшая въ эѳіопской пустынѣ. По разсказамъ древнихъ она издавала протяжный звукъ, лишь только первый лучъ солнца упадалъ на нее. Такое явленіе приписываютъ особенному свойству камня.

Когда жъ Надежда улетитъ—
Взгляни на тихое Терпѣнье;
Оно утѣхи обольщенье
Прямою силой замѣнитъ.

Лишь бы, сокровище святое,
Доброта сохранилась намъ;
Достоинъ будь—а небесамъ
Оставь на волю остальное.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

1815.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла....
О другъ, я все земное совершила;
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? Сбылись ли ожиданья?
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все; я въ сторонѣ свиданья;
И знаю здѣсь сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на землѣ великое не тщетно;
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнятъ;
О милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай! минувшее съ тобою;
Не зрима я, но въ мірѣ мы однимъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ начатое вдвоемъ.

НОЧЬ.

1815.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эфирной,
И Гесперъ (*) летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей. (**)

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ (***),
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

ПѢСНЯ.

1815.

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?
Прошлою весною
Здѣсь поилъ ее потокъ
Свѣжею струею?..
Нѣтъ ея; весна прошла,
И фіалка отцвѣла.

---

* Вечеръ—поэтическое олицетвореніе.
** Звѣзда Венера, спутница Гесперa.
*** Бокаломъ.

Розы были тамъ въ сѣни
Рощицы тѣнистой;
Оживляли долъ они
Красотой душистой...
Лѣто быстрое прошло,
Лѣто розы унесло.

Гдѣ фіалку я видалъ,
Тамъ потокъ игривой...
Сердце въ думу погружалъ
Струйкой говорливой...
Пламень лѣта былъ жестокъ;
Истощенный смолкъ потокъ.

Гдѣ видалъ я розы, тамъ
Рощица, бывало,
Въ зной пріютъ давала намъ...
Что съ пріютомъ стало?
Вѣтръ осенній бушевалъ,
И пріютный листъ опалъ.

Здѣсь не рѣдко по утрамъ
Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
И живымъ его струнамъ
Отзывъ откликался....
Нѣтъ его; пѣвецъ увялъ;
Съ нимъ и отзывъ замолчалъ.

ПѢСНЯ.

1815.

Розы разцвѣтаютъ;
Сердце, отдохни;
Скоро засіяютъ

Благодатны дни;
Все съ зимой ненастной
Грустное пройдетъ;
Сердце будетъ ясно;
Розою прекрасной
Счастье разцвѣтетъ.

Розы разцвѣтаютъ—
Сердце, уповай;
Есть, намъ обѣщаютъ,
Гдѣ то лучшій край.
Вѣчно молодая
Тамъ весна живетъ;
Тамъ, въ долинѣ рая
Жизнь для насъ иная
Розой разцвѣтетъ.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

1815.

Легкій, легкій вѣтерокъ,
Что такъ сладко, тихо вѣешь?
Что играешь, что свѣтлѣешь,
Очарованный потокъ?
Чѣмъ опять душа полна?
Что опять въ ней пробудилось?
Что съ тобой къ ней возвратилось,
Перелетная весна?
Я смотрю на небеса....
Облака, летя, сіяютъ,
И, сіяя, улетаютъ
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины
Вѣсть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голосъ старины?
Или тамъ, куда летитъ
Птичка, странникъ поднебесный,
Все еще сей неизвѣстный
Край желаннаго сокрытъ?
Ктожъ къ невѣдомымъ брегамъ
Путь невѣдомый укажетъ?
Ахъ, найдется ль, кто мнѣ скажетъ,
Очарованное *Тамъ*?

ЛИСТОКЪ.

1818.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?... «Не знаю самъ;
»Гроза разбила дубъ родимый;
»Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ
»По волѣ случая носимый,
»Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
»Куда на свѣтѣ все стремится,
»Куда и листъ лавровый мчится,
»И легкій розовый листокъ.»

НЕВЫРАЗИМОЕ.

(Отрывокъ)

1818.

Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
Съ какой небрежною и легкою свободой
Она разсыпала повсюду красоту
И разновидное съ единствомъ согласила!
Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
Едва, едва одну ея черту
Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью....
Но льзя-ли въ мертвое живое передать?
Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?...
Святыя таинства, лишь сердце знаетъ васъ!
Не часто-ли въ величественный часъ
Вечерняго земли преображенья—
Когда душа смятенная полна
Пророчествомъ великаго видѣнья
И въ безпредѣльное унесена—
Спирается въ груди болѣзненное чувство,
Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
Не нареченному хотимъ названье дать,
И обезсиленно безмолствуетъ искусство?
Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ
По небу тихому летящихъ,
Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
Сіи картины береговъ
Въ пожарѣ пышнаго заката—
Сіи столь яркія черты
Легко ихъ ловитъ мысль крылата,
Но то, что слито съ сей блестящей красотою
Сіе столь смутное, волнующее насъ,

Сей внемлемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ
(Какъ прилетѣвшее внезапно дуновенье
Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то цвѣтъ,
Святая молодость, гдѣ жило упованье),
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
Сія сходящая святыня съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданьѣ—
Какой для нихъ языкъ?... Горѣ (*) душа летитъ,
Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится
И лишь молчаніе понятно говоритъ.

ЖИЗНЬ.

1818.

Отуманеннымъ потокомъ
Жизнь унылая плыла,
Берегъ въ сумракѣ глубокомъ;
На холодномъ небѣ мгла;
Тмою звѣзды обложило;
Бури нѣтъ—одинъ туманъ;
И вдали реветъ уныло
Скрытый мглою океанъ.

Было время—былъ день ясный,
Были пышны берега,

(*) Вверхъ, къ небу.

Были рощи сладкогласны,
Были зелены луга.
И за ней вились толпою
Свѣтло-крылые друзья:
Юность легкая съ *мечтою*
И живыхъ *надеждъ* семья.

Къ ней тѣснились, услаждали
Мирный путь ея игрой,
И надъ нею разстилали
Благодатный парусъ свой.
Къ ней фантазія летала
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
И съ небесъ къ ней прикликала
Очарованныхъ гостей:

Вдохновеніе съ звѣздою
Надъ возвышенной главой,
И Харите (*) съ молодою
Музой (**), генія сестрой;
И она, ихъ внемля пѣнье,
Засыпала въ тишинѣ,
И ловила привидѣнье
Счастья милаго во снѣ!...

Все пропало, измѣнило;
Разлетѣлися друзья;
Въ безднѣ брошена унылой
Одинокая ладья;
Року странница послушна,
Не желаетъ и не ждетъ,
И прискорбно-равнодушна
Въ безпредѣльное плыветъ.

---

* Грацію, прелесть.
** Поэзіею.

Чтоже вдругъ затрепетало
Надъ поверхностью зыбей?
Чтоже прелестью бывалой
Вдругъ повѣяло надъ ней?
Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный вѣтерокъ;
Сонный парусъ развернулся;
Дрогнулъ руль; быстрѣй челнокъ.

Смотритъ, ангеломъ прекраснымъ
Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
Улыбнулся, взоромъ яснымъ
Подарилъ, и въ лодку сѣлъ;
И запѣлъ онъ пѣснь надежды;
Жизнь очнулась, ожила,
И съ волненьемъ робки вѣжды
На красавца подняла.

Видитъ....мрачность разлетѣлась;
Снова зеркальна вода;
И привѣтно загорѣлась
Въ небѣ яркая звѣзда;
И въ нее проникла радость,
Прежней вѣры тишина,
И какъ будто снова младость
Съ упованьемъ отдана.

О хранитель, небомъ данный!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звѣздой.
Будь сіянье, будь ненастье;
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье,
Добрый спутникъ, при тебѣ.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ.

1822.

На небѣ тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкій паръ сіяетъ;
Звѣзда любви играетъ
Надъ темною горой;
И въ безднѣ голубой
Безплотные (*) летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину.
Привѣтствуютъ весну.

ВОСПОМИНАНІЕ.

1822.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСѢТИТЕЛЬ.

1822.

Кто ты, призракъ, гость прекрасный?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно
Для чего отъ насъ пропалъ?

---

* Духи.

Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
Что съ тобой? Куда изчезъ?
И зачѣмъ твое явленье
Въ поднебесную съ небесъ?

Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неутомимо
Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не Любовь ли намъ собою
Тайно ты изобразилъ?..
Дни любви, когда одною
Міръ для насъ прекрасенъ былъ.
Ахъ, тогда сквозь покрывало
Неземнымъ казался онъ....
Снятъ покровъ; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье сонъ.

Не волшебница ли Дума
Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ
Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
Насъ безмолвно за собой,

Иль въ тебѣ сама святая
Здѣсь Поэзія была?...
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая

Два покрова принесла:
Для небесь лазурно-ясный,
Чистый, бѣлый для земли:
Съ ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль Предчувствіе сходило
Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
О небесномъ, о святомъ?
Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Поднимаетъ покрывало,
И въ далекое манитъ.

МОРЕ.

Элегія.

1822.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо, ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственной, сладостной полное жизни

Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью;
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу....
И мгла изчезаетъ и тучи уходятъ,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него....

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

(Изъ Цейдлица.)

1836.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту:
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,

Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ:
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горючихъ песковъ Палестины.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры,
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ;
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой (¹);
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты,
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею:
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полки за полками,
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,

(¹) Изображеніе Наполеона.

И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ *пароль* свой и *лозунгъ*, (1)
И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція* тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ *Святая Елена* (2).
Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ Императоръ усопшій.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Изъ Гебеля).

1836.

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота) деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой: меня одолѣла дремота;
Полночь близка!... И только успѣла Суббота промолвить:
«Полночь!» а полночь ужъ тутъ и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье;
Легкой рукою тихохонько двери свои отворило,
Вышло и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ, иногда повѣваетъ

---

(1) Какое нибудь опредѣленное слово, которое дается часовымъ и по которому они должны пропускать въ лагерь и изъ лагеря всякаго, кто его произнесетъ.

(2) Островъ Святой Елены, гдѣ былъ заключенъ и гдѣ умеръ Наполеонъ.

Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ — тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность,
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шепотъ. Зайдетъ на кладбище—могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышетъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ, какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни. Спокойно на паперти сѣвъ, Воскресенье
Ждетъ посреди глубокой тмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось.... тронулось утро; во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе и звѣзды
Начали тускнуть.... пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
«Солнышко встань!»... И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая....

Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась, и видитъ: стоитъ Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ
«Доброе утро!»всѣмъ говоритъ. И торжественно тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ—и въ одеждѣ Воскресной
Старый и малый идутъ на молитву,... въ деревнѣ молчанье;
Въ церкви дымятся кадила, и тихое слышится пѣнье.

ПОЭЗІЯ

ДЕНИСА-ДАВЫДОВА.

Денисъ Давыдовъ родился въ Москвѣ въ 1784 году. Девятилѣтнимъ ребенкомъ онъ обратилъ на себя вниманіе Суворова, который посѣтилъ домъ отца его. «Ты выиграешь три сраженія», сказалъ Рымникскій герой, перекрестивъ рѣзваго мальчика. Съ этихъ поръ маленькій Давыдовъ сталъ думать только о военныхъ подвигахъ. Воспитаніе онъ получилъ болѣе внѣшнее, только для свѣтской жизни, воспитаніе, которое не можетъ назваться основательнымъ. Это же самое скоро замѣтилъ и юный воинъ, когда онъ сблизился съ нѣсколькими образованными молодыми людьми и переселился въ Петербургъ на службу. Онъ дѣятельно занялся чтеніемъ и изученіемъ военнаго искусства, и тутъ же сталъ испытывать свои силы въ стихотворствѣ, начавъ съ сатиръ и эпиграммъ. Въ 1804 году онъ былъ переведенъ въ бѣлорусскій гусарскій полкъ, который стоялъ въ кіевской губерніи. Здѣсь, среди веселой военной жизни, юноша развилъ свой поэтическій даръ, воспѣвая эту жизнь. Вскорѣ послѣ того начинается походная жизнь нашего поэта. Онъ переходитъ отъ битвы къ битвѣ съ французами, со шведами, съ турками, а въ отечественную войну является отважнымъ партизаномъ, предводительствуя отдѣльнымъ летучимъ отрядомъ и безпрестанно безпокоя непріятеля своими нежданны-

ми набѣгами. Свыкнувшись съ войною, поэтъ скучалъ бездѣйствіемъ въ мирное время, и какъ скоро открылась персидская компанія, полетѣлъ въ дѣйствующія войска. Послѣ того участвовалъ въ польскомъ походѣ, вездѣ являясь отличнымъ воиномъ и генераломъ. Онъ умеръ въ 1839 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Поэзія его можетъ назваться по преимуществу военною поэзіею; хотя по своему содержанію она довольно бѣдна, но въ ней много огня и увлеченія, въ ней мы видимъ ту одушевленную военную эпоху, когда со словомъ война соединялся у русскаго человѣка важный вопросъ о благѣ родины. Давыдовъ написалъ также въ прозѣ нѣсколько воспоминаній изъ своей военной жизни.

ОТВѢТЪ.

Я не поэтъ—я партизанъ ([1]), казакъ,
Я иногда бывалъ на Пиндѣ ([2]), но наскокомъ
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ ([3])
Мой независимый бивакъ ([4]).
Нѣтъ! не наѣзднику пристало
Пѣть ([5]), въ креслахъ развалясь, лѣнь, нѣгу и покой.....
Пусть грянетъ Русь военною грозой—
Я въ этой пѣсни запѣвало.

([1]) Дѣйствующій въ отдѣльномъ военномъ отрядѣ.
([2]) Гора—жилище музъ—Парнасъ.
([3]) Кастальскій источникъ на Парнасѣ; воды его, по древнему вѣрованію, были вдохновительны для поэтовъ.
([4]) Временная стоянка въ полѣ во время войны.
([5]) Пѣть—воспѣвать—обыкновенное выраженіе прежнихъ поэтовъ, подражавшихъ слогу древнихъ.

ПѢСНЯ.

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарскій—
Съ вами вѣкъ мой золотой!

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!

За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!
Пусть Французишки гнилые
Къ намъ пожалуютъ назадъ;

За тебя на чорта радъ,
Наша матушка Россія!

Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами;
Днемъ—рубиться молодцами,
Вечеркомъ—горѣлку (*) пить!

Станемъ, братцы, вѣчно жить
Вкругъ огней, подъ шалашами.

(*) Водку.

О, какъ страшно смерть встрѣчать
На постели господиномъ,
Ждать конца подъ балдахиномъ
И всечасно умирать?

О какъ страшно смерть встрѣчать
На постели господиномъ.

То ли дѣло средь мечей—
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь,
Смерти въ когти попадаешь,
И не думая о ней!

То ли дѣло средь мечей—
Тамъ о славѣ лишь мечтаешь.

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарскій—
Съ вами вѣкъ мой золотой!

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!

—

ЧЕЛОБИТНАЯ (1).

Въ дни былые сорванецъ,
Весельчакъ и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
Озабоченный дѣлецъ,
О, мой давній покровитель!
Сохрани меня, отецъ,
Отъ сосѣдства шумной тучи (2)
Елагочиній саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарныхъ трубъ и крючій!
То есть, по просту сказать:
Помоги въ казну продать
За сто тысячъ домъ богатый,
Величавыя палаты—
Мой пречистенскій дворецъ.
Тѣсенъ онъ для партизана!
Сотоварищъ урагана,
Я люблю, казакъ-боецъ,
Домъ безъ оконъ, безъ крылецъ,
Безъ дверей и стѣнъ кирпичныхъ—

---

(1) Такъ въ старину называлось *прошеніе, просьба,* отъ словъ *бить челомъ.*

(2) Полиціи или полицейскаго дома, подлѣ котораго жилъ Давыдовъ въ Москвѣ.

Домъ разгуловъ безграничныхъ
И налетовъ удалыхъ (1),
Гдѣ могу гостей моихъ
Принимать картечью въ ухо,
Пулей въ лобъ, иль пикой въ брюхо.
Другъ, вотъ истинный мой домъ!
Онъ вездѣ; но скучно въ немъ:
Нѣтъ гостей для угощенья!
Подожду—а ты, пока,
Вникни въ просьбу козака
И уважь мое моленье.

ГР. П. А. СТРОГОНОВУ.

За чекмень (2), подаренный имъ мнѣ во время войны 1810 года, въ Турціи.

Блаженной памяти, мой предокъ Чингисъ-Ханъ, (3)
Грабитель, озарникъ, съ аршинными усами,
На ухарскомъ конѣ, какъ вихрь передъ громами
Въ блестящемъ панцырѣ влеталъ во вражій станъ
И мощно разсѣкалъ татарскою рукою

---

(1) То есть чистое поле.
(2) Верхняя казацкая одежда съ долгими полами.
(3) Извѣстный монгольскій завоеватель.

Все, что противилось могущему герою;
Почтенный пращуръ (1) мой такой же грубіянъ,
Какъ дѣдушка его, нахальный Чингисъ-Ханъ,
Въ чекменѣ легонькомъ, среди мечей разящихъ,
Ордами управлялъ въ поляхъ, войной гремящихъ.
Я тѣмъ же пламенемъ, какъ Чингисъ-Ханъ, горю;
Какъ пращуръ мой, Батый, (2) готовъ на бранну прю. (3)
Но мнѣ-ль, любезный графъ, въ французскомъ одѣяньи,
Явиться въ авангардъ, (4) какъ франту на гулянье,
Завязывать жабо, прическу поправлять,
И усачамъ себя Линдаромъ (5) показать?
Потомка бѣднаго ты пожалѣй Батыя,
И за чекмень прими его стихи дурные!

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ (6)

Умолкшіе холмы, долъ, нѣкогда кровавый!
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу.
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу

---

(1) Прапрадѣдъ.
(2) Предводитель татарской орды, завоевавшей Русь въ XIII столѣтіи.
(3) Распрю, ссору.
(4) Передовой отрядъ.
(5) Франтомъ.
(6) Мѣсто битвы русскихъ съ французами подъ Москвою въ 1812 г.

Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, рынь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь Гомерическій, (1) Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань (2) свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ (3)! я лечу—веди меня, я твой —
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ (4) дымомъ
Но гдѣ вы?... Слушаю.... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани (5) дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

ПОЛУСОЛДАТЪ.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой (6)!

---

(1) Похожій на древнихъ героевъ, описанныхъ въ поэтическихъ произведеніяхъ Гомера — Иліадѣ и Одиссеи.
(2) Руку.
(3) Всѣ трое русскіе полководцы XII года.
(4) Пушекъ.
(5) Войны.
(6) Водка съ разными пряностями, подверженная на нѣкоторое время дѣйствію теплоты.

«Вы видѣли, я не боюсь,
Ни пуль, ни дротика Куртинца;
Лечу, стремглавъ, не дуя въ усъ,
На ножъ и шашку Кабардинца. (1)
«Все такъ—но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохотъ обуялъ толпой,
И клики вторятся горами.

«И все кипитъ, и все гремитъ,
А я межъ вами одинокой,
Нѣмою грустію убитъ,
Душой и мыслію далеко.

«Я не внимаю стуку чашъ
И спору вкругъ солдатской каши;
Улыбки нѣтъ на хохотъ вашъ,
Нѣтъ взгляда на проказы ваши.

«Таковъ ли былъ я въ вѣкъ златой
На буйной Вислѣ, (2) на Балканѣ, (3)
На Эльбѣ, (4) на войнѣ родной
На льдахъ Торнео, (5) на Секванѣ? (6)

Бывало, слово: «другъ явись!»
И ужъ Денисъ (7) съ коня слѣзаетъ;
Лишь чашей стукнутъ, и Денисъ
Какъ тутъ—и чашу осушаетъ.

---

(1) Горскія племена на Кавказѣ.
(2) Въ Польшѣ.
(3) Въ Турціи.
(4) Въ Германіи въ войнѣ съ французами.
(5) Въ Финляндіи въ войнѣ со шведами.
(6) На Сенѣ при взятіи Парижа въ 1814 году.
(7) Самъ поэтъ.

«На скачку, на борьбу готовъ,
И чтимый выродкомъ глупцами,
Онъ, расточитель острыхъ словъ,
Имъ хлещетъ прозой и стихами.

«Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!»

Такъ говорилъ наѣздникъ нашъ,
Оторванный судьбы велѣньемъ
Отъ крова мирнаго, въ шалашъ,
На сѣчи, къ пламеннымъ сраженьямъ.

Араксъ (1) шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араксу вторитъ ключь нагорный,
И Алагьезъ, (2) нахмурясь, спитъ,
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный;

И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.

Но воинъ нашъ неупоенъ
Ночною роскошью полуденнаго края....

Съ Кавказа глазъ не сводитъ онъ,
Гдѣ подпираетъ небосклонъ
Казбека (3) груда снѣговая....

---

(1) Рѣка въ Закавказьи.
(2) Заоблачная гора, на границѣ Эриванской области.
(3) Одна изъ высочайшихъ горъ Кавказскаго хребта.

На немъ знакомый вихрь, на немъ громада льда

И надъ челомъ его, въ туманѣ мутномъ,
Какъ Русь святая, недоступномъ,
Горитъ родимая звѣзда.

МОРЕ ВОЕТЪ.

Море воетъ, море стонетъ
И во мракѣ, одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но, счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою—
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою.

Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое—
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

ЛИСТОКЪ.

Съ французскаго ([1]).

Листокъ изсохшій, одинокой,
Пролетной гость въ степи широкой,
Куда твой путь, голубчикъ мой? —
«Какъ знать мнѣ! Налетѣли тучи—
И дубъ родимый, дубъ могучій,
Сломило вихремъ и грозой.
Съ тѣхъ поръ, игралище Борея, ([2])
Не сѣтуя и не робѣя,
Ношусь я, странникъ кочевой,
Изъ края въ край земли чужой;
Несусь, куда несетъ суровый,
Всему неизбѣжимый рокъ,
Куда летитъ и листъ лавровый,
И легкій розовый листокъ!»

([1]) См. тотъ же переводъ Жуковскаго на стр. 81.
([2]) Сѣверный вѣтеръ.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ІЮНѢ.

Томительный палящій день
Сгорѣлъ; полупрозрачна тѣнь
Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали:
Зарницы бѣгали за синею горой,
И, окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая,
И преклонясь къ лавровому кусту
Дышала роза молодая.

ПОЭЗІЯ КОЗЛОВА.

Козловъ родился въ 1774 году, получилъ прекрасное образованіе и въ юныхъ годахъ сдѣлался замѣтнымъ въ обществѣ умомъ, ловкостью и видною наружностью. Но на 29 году постигло его несчастіе, лишившее молодаго человѣка всѣхъ надеждъ на блестящее будущее: его разбилъ параличъ, такъ что у него отнялись ноги, а чрезъ нѣсколько времени онъ ослѣпъ, и въ такомъ жалкомъ положеніи проводилъ свою страдальческую жизнь. Но лишившись одного, онъ получилъ въ даръ другое: разлученный съ свѣтомъ и его развлеченіями, онъ сталъ углубляться въ самаго себя и сдѣлался поэтомъ. Поэмы Чернецъ, Наталья Долгорукая и нѣкоторыя мелкія произведенія доставили ему извѣстность въ русской литературѣ. Уже слѣпой, онъ выучился по-нѣмецки и по-англійски и сталъ изучать лучшихъ европейскихъ писателей. Онъ переводилъ тѣ изъ ихъ произведеній, въ цѣломъ или отрывкахъ, которыя наиболѣе согласовались съ его нѣжной, меланхолической и страдальческой душой. Она-то, скорбящая въ своихъ несчастіяхъ, постоянно видится въ его произведеніяхъ: но при этомъ же слышатся и голосъ покорности волѣ Провидѣнія и утѣшительная надежда на лучшее, небесное будущее. Его сердце отозвалось на новѣйшую романтическую поэзію, которая и отразилась въ его стихахъ. Козловъ умеръ въ 1838 году.

БУРЯ.

Корма̀ ([1]) затрещала, летятъ паруса,
Встревоженной хляби ([2]) звучатъ голоса
И солнце затмилось надъ бездной морскою
Съ послѣдней надеждой, кровавой зарею.

Громада, бунтуя, реветъ и кипитъ,
И волны бушуютъ, и вѣтеръ шумитъ,
И стонъ раздается зловѣщихъ насосовъ ([3]),
И вырвались верви ([4]) изъ рукъ у матросовъ.

Торжественно буря завыла; дымясь,
Изъ бездны кипучей гора поднялась.
И Ангелъ-губитель по ярусамъ пѣны ([5])
Въ корабль уже входитъ, какъ ратникъ на стѣны.

Кто, силы утративъ, безъ чувства падетъ ([6]),
Кто, руки ломая, свой жребій клянетъ;
Иной, полумертвый, о другѣ тоскуетъ,
Другой молитъ Бога, да гибель минуетъ.

([1]) Корма—задняя часть корабля.
([2]) Воды.
([3]) Орудія, посредствомъ которыхъ выкачиваютъ воду.
([4]) Веревки.
([5]) По пѣнистымъ волнамъ.
([6]) Вмѣсто *падаетъ*.

Младой иноземецъ безмолвно сидитъ,
И мнитъ онъ: «тотъ счастливъ, кто мертвымъ лежитъ,
И тотъ, кто умѣетъ усердно молиться,
И тотъ, у кого еще есть съ кѣмъ проститься».

КЪ МОРЮ.

(А. С. Пушкину.)

Отрада есть во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ;
Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ:
Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ,
И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ:
Мнѣ ближній милъ; но тамъ, въ моихъ мечтахъ,
Что я теперь, что былъ—позабываю;
Природу я душою обнимаю:
Она милѣй; постичь стремлюся я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что таить нельзя.

Теки, шуми о море голубое!
Несмѣтный флотъ ничто твоимъ волнамъ;
И человѣкъ, губящій все земное,
Гдѣ твой предѣлъ, уже страшится самъ;
Возстанешь ты—и горе кораблямъ,

И бичъ земли (1), путь дерзкій означая
Бѣдой своей, какъ капля дождевая,
Идетъ на дно, гдѣ скрытъ его и слѣдъ—
И онъ не въ саванѣ, не въ гробѣ, не отпѣтъ.

Твои поля злодѣй не зовоюетъ;
Твои стези (2) не для его шаговъ;
Свободно ты, лишь бездна забушуетъ,
И тотъ пропалъ, кто бъ сушу былъ готовъ
Поработить. Его до облаковъ,
Дрожащаго, съ презрѣньемъ ты бросаешь,—
И вдругъ, рѣзвясь, въ пучину погружаешь;
И вопитъ онъ: гдѣ пристань? о гранитъ
Его ударишь ты—и вѣкъ онъ тамъ лежитъ.

Бросающій погибель и оковы,
Огонь и смерть изъ челюсти своей,
Рушитель силъ, левіаѳанъ (3) дубовый,
Гроза твердынь (4), народовъ и царей—
Игрушкою бунтующихъ зыбей (5),
И съ тѣмъ, кто въ немъ надменно въ бой летаетъ,
Кто, бренный (6) самъ, владѣть тобой мечтаетъ.
Подернуло ты пѣной бурныхъ водъ
Армаду (7) гордую и Трафальгарскій флотъ (8).

---

(1) Т. е. человѣкъ.
(2) Пути, дороги.
(3) Морское чудовище, китъ. Левіаѳанъ дубовый — военный корабль.
(4) Извѣстный флотъ испанскаго короля Филиппа II, названный непобѣдимою армадою, снаряженный противъ Англіи и разбитый бурею.
(5) Крѣпостей.
(6) Водъ.
(7) Подверженный разрушенію, смерти.
(8) Соединенные французскій и испанскій флоты, разбитые въ 1804 г. англійскимъ адмираломъ Нельсономъ при Трафальгарѣ.

Предѣлъ державъ, твой берегъ измѣнился:
Гдѣ Грецiя, и Римъ, и Карѳагенъ?
Свободный, онъ лишь волнъ твоихъ страшился;
Но, сильныхъ рабъ и жертва перемѣнъ, (1)
Пришельцевъ здѣсь, тамъ дикихъ носитъ плѣнъ;
Его вездѣ неволя утомила,
И сколько царствъ въ пустынѣ изсушила!
Твоя лазурь, вѣковъ отбросивъ тѣнь,
Всё та жъ—млада, чиста, какъ въ первобытный день.

Ты зеркаломъ Всесильному сіяешь:
Онъ зритъ въ тебѣ при буряхъ образъ Свой.
Струишься ль ты, бунтуешь, иль играешь,
Гдѣ твёрдый лѣдъ, и тамъ, гдѣ пылкій зной,
Ты океанъ чудесенъ красотой,
Таинственный, бездонный, безконечный!
Незримаго престолъ, какъ небо, вѣчный,
Временъ, пространствъ завѣтный властелинъ,
Течёшь ты страшный всѣмъ, глубокій и одинъ.

---

(1) Здѣсь говорится о берегѣ моря т. е. о твердой землѣ.

КІЕВЪ.

О Кіевъ-градъ, гдѣ съ вѣрою святою
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ,
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою (1) главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ,
Гдѣ стелятся зеленой пеленою
Поля твои въ раздольи золотомъ,
И Днѣпръ рѣка, подъ древними стѣнами,
Кипитъ, шумитъ пѣнистыми волнами!

Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,
О свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной!
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною твоею красотой.
У Лаврскихъ (2) стѣнъ земное забываю,
И надъ Днѣпромъ брожу во тьмѣ ночной:
Въ очахъ моихъ все русское прямое—
Прекрасное, великое, святое.

Ужъ мѣсяцъ всталъ; Печерская (3) сіяетъ;
Главы ея въ волнахъ рѣки горятъ;
Она въ душѣ вѣка напоминаетъ;

---

(1) Кіево-Печерскій монастырь.
(2) Печерскій монастырь,
(3) Обитель.

Небесные ([1]) тамъ въ подземельи спятъ;
Надъ нею тѣнь Владиміра([2])летаетъ
Зубцы ([3]) ея о славѣ говорятъ.
Смотрю-ли вдаль—вездѣ мечта со мною,
И милою все дышетъ стариною.

Тамъ витязи сражались удалые,
Могучіе, за родину въ поляхъ;
Красою здѣсь цвѣли княжны младыя,
Стыдливыя въ высокихъ теремахъ,
И пѣлъ Боянъ ([4]) имъ битвы роковыя,
И тайный жаръ таился въ ихъ сердцахъ.
Но полночь бьетъ, звукъ мѣди ([5]) умираетъ;
Къ минувшимъ днямъ еще день улетаетъ;

Гдѣ жъ смѣлые, которые сражались,
Чей острый мечъ, какъ молнія, сверкалъ?
Гдѣ та краса, которой всѣ плѣнялись,
Чей милый взглядъ свободу отнималъ?
Гдѣ тотъ пѣвецъ, чьимъ пѣньемъ восхищались?
Ахъ, вѣщій бой ([6]) на все мнѣ отвѣчалъ!
И ты одинъ подъ башнями святыми
Шумишь, о Днѣпръ, волнами вѣковыми!

([1]) Святыя мощи.
([2]) Великаго князя Владиміра.
([3]) Зубцы стѣнъ.
([4]) Поэтъ, пѣвецъ.
([5]) Звонъ колокола.
([6]) Бой часовъ.

ПЛАЧЪ ЯРОСЛАВНЫ (1).

(Княгинѣ З. А. Волконской.)

То не кукушка въ рощѣ темной
Кукуетъ рано по зарѣ;
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна,
Одна на городской стѣнѣ:

«Я покину боръ (2) сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И въ Каяль-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой обмочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой;
Князю я обмою рану
На груди его младой.»

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

---

(1) Изъ слова о полку Игоревѣ, русской поэмѣ XII столѣтія Ярославна оплакиваетъ своего мужа, князя Игоря. Онъ былъ разбитъ въ степи и плѣненъ половцами.

(2) Лѣсъ.

«Вѣтеръ, вѣтеръ, о могучій,
Буйный вѣтеръ! что шумишь?

Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь, и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя ханскими (*) стрѣлами
На родимые полки?»

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ·

«Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли?
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли,
Что же страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? Для чего
По ковыль-травѣ развѣялъ
Радость сердца моего?

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

Днѣпръ мой славный! ты волнами
Скалы Половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же, Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студеныхъ водъ;
Ими князь мой черноокій
Въ Русь святую поплыветъ,»

(*) Половецкими.

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

«О рѣка! отдай мнѣ друга;
На волнахъ его лелѣй,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобъ я болѣ не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобъ я слезъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ.»

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда лу̀ки съ тетивами
Изсушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ»

И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

—

КЪ РАДОСТИ.

О радость, радость, что же ты
Намъ скоро измѣняешь,
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою,
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою?

Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льешь очарованье,
И оставляешь. . . . свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье?

Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится,
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Духъ пылкій ею увлеченъ,
Дни счастья вспоминая,
Тревожитъ сердца тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.

Такъ мѣсяцъ свѣтитъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ,
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ.

Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами
И въ море темное течетъ
Холодными волнами.

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Мнѣ говорятъ: «она поетъ—
«И радость тихо въ душу льется,
«Раздумье томное найдетъ,
«Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется.

«И тихо, мило на землѣ,
«Когда поетъ она—милѣе,
«И пламеннѣй огонь любви,
«И все прекрасное святѣе!»

А я, я слезъ не проливалъ,
Волшебнымъ голосомъ плѣненный;
Я только помню, что видалъ
Пѣвицы образъ несравненный.

О, помню я, какимъ огнемъ
Сіяли очи голубыя,
Какъ на челѣ ея младомъ
Вилися кудри золотыя!

И помню звукъ ея рѣчей,
Какъ помнятъ чувство дорогое;
Онъ слышится въ душѣ моей;
Въ немъ было что-то неземное.

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучитъ о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира (1).

Звѣзда любви надъ ней горитъ,
И—станъ обхваченъ пеленою—
Она эѳирная летитъ,
Чуть озаренная луною.

Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ,
И локоны ея взвѣваетъ
Душистой ночи вѣтерокъ.

---

(1) Область въ Индіи. Пери—одинъ изъ духовъ въ восточной миѳологіи, описанный англійскимъ поэтомъ Муромъ въ блестящихъ краскахъ въ поэмѣ Лалла-Рукъ; часть ея переведена Жуковскимъ подъ названіемъ «Пери и Ангелъ».

СОНЪ НЕВѢСТЫ.

Вѣтеръ вылъ, гроза ревѣла,
Мѣсяцъ крылся въ облакахъ,
И рѣка, клубясь, шумѣла
Въ омраченныхъ берегахъ,
И, встревоженна тоскою,
Эвелина слезы льетъ:
«Ахъ, теперь грозой ночною
«Милый по морю плыветъ!»

Долго бѣдная молилась
Предъ иконою святой;
Робкой думою носилась
Надъ пучиною морской.
Бьетъ на башнѣ часъ полночи,
И внезапно тайный сонъ
Ей смежилъ (¹) печальны очи,
И замолкъ тяжелый стонъ.

(¹) Смежить отъ слова *между*, т. е. уничтожить разстояніе, *закрыть*.

Спитъ она—но духъ унылый
И во снѣ тревожитъ страхъ:
Все корабль ей снится милый
На бунтующихъ волнахъ;
И казалось, что летаетъ
Тѣнь знакомая надъ ней,
И какъ будто бы вѣщаетъ:
«О невѣста, слезъ не лей!»

Голосъ друга незабвенный....
Сердце вѣрное дрожитъ;
Смотритъ тихо: обрученный
Передъ ней женихъ стоитъ;
Въ ликѣ блѣдность гробовая,
Мутенъ блескъ его очей,
И бѣжитъ струя морская
Изъ развившихся кудрей.

«О невѣста, въ край родимой
«Я летѣлъ къ тебѣ съ мечтой,
«И безцѣнной, и любимой,
«И съ пылающей душой;
«Но взревѣла надо мною
«Смертоносная волна:
«Съ нашей радостью земною
«Ты навѣкъ разлучена!

«Другъ, страданье пронесется,
«Грозный мракъ не навсегда,
«И надъ бездною зажжется
«Лучезарная звѣзда!
«О, не сѣтуй, что прекрасной
«Жизни цвѣтъ увялъ въ слезахъ!
«Мы любили не напрасно;
«Будемъ вмѣстѣ въ небесахъ!

«Но — прости... уже алѣетъ
«Тамъ румяная заря,
«Вѣтерокъ ужъ ранній вѣетъ,
«Вѣетъ онъ не для меня!»
И со вздохомъ улетаетъ
Тѣнь младая отъ очей,
И съ высотъ ей повторяетъ:
«О невѣста, слезъ не лей!»

СОНЕТЪ (1) СВЯТОЙ ТЕРЕЗЫ.

Любовью духъ кипитъ къ Тебѣ, Спаситель мой,
Не радостныхъ небесъ желаньемъ увлеченный,
Не ада мрачнаго огнями устрашенный,
И не за бездны благъ, мнѣ данныя Тобой!

Въ Тебѣ люблю Тебя; съ любовію святой
Гляжу, какъ на крестѣ Сынъ Божій, утомленный,
Виситъ измученный, виситъ окровавленный,
Какъ тяжко умиралъ предъ буйною толпой!

---

(1) Сонетомъ называется стихотвореніе изъ 14 стиховъ въ 4 куплета, изъ которыхъ первые два заключаютъ по 4 стиха, а другіе по 3.

И жаръ таинственный мнѣ въ сердце проникаетъ;
Безъ рая свѣтлаго плѣнилъ бы Ты меня!
Ты бъ страхомъ былъ моимъ безъ вѣчнаго огня!

Подобную любовь какая цѣль раждаетъ?
Душа въ любви къ Тебѣ надеждъ святыхъ полна;
Но также и безъ нихъ любила бы она!

ДОБРАЯ НОЧЬ.

(Изъ Чальдъ Гарольда поэмы Байрона).

«Прости, прости, мой край родной (')!
Ужъ скрылся ты въ волнахъ;
Косатка вьется, вѣтръ ночной
Играетъ въ парусахъ.
Ужъ тонутъ огненны лучи
Въ бездонной синевѣ....
Мой крй родной, прости, прости!
Ночь добрая тебѣ!

---

(1) Чальдъ Гарольдъ отправляется на кораблѣ изъ своей родины, Англіи.

«Проснется день; его краса
Утѣшитъ божій свѣтъ;
Увижу море, небеса,—
А родины ужъ нѣтъ!
Отцовскій домъ покинулъ я;
Травой онъ заростетъ;
Собака вѣрная моя
Выть станетъ у воротъ.

«Ко мнѣ, ко мнѣ, мой пажъ младой!
Но ты дрожишь, какъ листъ:
Иль страшенъ ревъ волны морской,
Иль вѣтра буйный свистъ?
Не плачь; корабль мой новъ; плыву
Ужъ я не въ первый разъ;
И быстрый соколъ на лету
Не перегонитъ насъ.»

—Не буйный вѣтръ страшитъ меня,
Не шумъ угрюмыхъ волнъ;
Но не дивись, сиръ Чальдъ, что я
Тоски сердечной полнъ:
Прощаться грустно было мнѣ
Съ родимою, съ отцомъ;
Теперь надежда вся въ тебѣ
И въ другѣ.... неземномъ.

—Не скрылъ отецъ тоски своей,
Какъ сталъ благословлять;
Но доля матери моей—
День плакать, ночь не спать—
«Ты правъ, ты правъ, мой пажъ младой!
Какъ смѣть винить тебя?
Съ твоей невинной простотой,
Ахъ, плакалъ бы и я!

«Но вотъ и кормщикъ мой спдитъ,
Весь полонъ черныхъ думъ.
Иль буйный вѣтръ тебя страшитъ?
Иль моря грозный шумъ?»
—Сиръ Чальдъ, не робокъ я душой,
Не умереть боюсь;
Но я съ дѣтьми, но я съ женой
Впервые разстаюсь!

—Проснутся завтра, на зарѣ,
И дѣти, и жена;
Малютки спросятъ обо мнѣ,
И всплачется она!—
«Ты правъ, ты правъ! И какъ пѣнять,
Мой добрый удалецъ?
Тебѣ нельзя не горевать:
И мужъ ты, и отецъ!

Лишь тѣмъ однимъ терзаюсь я,
Не въ силахъ то забыть,
Что нѣтъ на свѣтѣ у меня,
О комъ бы потужить!

«И вотъ на темныхъ я волнахъ
Одинъ, одинъ съ тоской!...
И кто же, кто по мнѣ въ слезахъ
Теперь въ странѣ родной?
Что жъ рваться мнѣ, жалѣть кого?
Я сердцемъ опустѣлъ,
И безъ надеждъ и безъ всего,
Что помнить я хотѣлъ.

«О мой корабль! съ тобой я радъ
Носиться по волнамъ;
Лишь не плыви со мной назадъ
Къ родимымъ берегамъ!
Далеко на скалахъ, въ степи
Пріютъ сыщу себѣ;
А ты, о родина, прости!
Ночь добрая тебѣ!»

СОНЪ РАТНИКА.

Подкопы взорваны,—и башни вѣковыя
Съ ихъ дерзкою луной (1) погибель облегла;
Пресѣкла въ ужасѣ удары боевые
Осенней ночи мгла.

И въ полѣ тишина межъ русскими полками;
У ружей сомкнутыхъ дымились костры,
Во тьмѣ бросая блескъ багровыми струями
На бѣлые шатры.

---

(1) Лунный сербъ — гербъ Турціи; онъ выставляется на турецкихъ мечетяхъ.

Въ раздумьи я смотрѣлъ на пламень красноватой;
Мнѣ раненныхъ вдали былъ слышенъ тяжкій стонъ;
Но битвой утомясь, подъ буркою косматой
Уснулъ,—и вижу сонъ.

Мнѣ снилось, что простясь съ военною тревогой,
Отъ тѣхъ кровавыхъ мѣстъ, гдѣ буйство протекло,
Поспѣшно я иду знакомою дорогой
Въ родимое село.

Мнѣ церковь сельская видна съ горы высокой,
И Клязьмы (1) свѣтлый токъ въ тѣни ракитъ густыхъ;
И слышу пѣснь жнецовъ, и въ стадѣ лай далекой
Собакъ сторожевыхъ.

Я къ хижинѣ сходилъ холмовъ съ крутаго ската,
Разлуки тайный страхъ надеждой веселя;—
И дряхлый мой отецъ, тотчасъ узнавъ солдата,
Вскочилъ безъ костыля.

Въ слезахъ моя жена мнѣ кинулась на шею,
Мила, какъ въ день вѣнца, и сердцу, и очамъ;
Малютки рѣзвыя бѣгутъ ко мнѣ за нею;
Сосѣдъ пришелъ къ друзьямъ.

«Клянусь, я говорилъ, склоненъ на то родными,
«Теперь я къ вамъ пришелъ на долгое житье!»
И дѣти обвили цвѣтками полевыми
И штыкъ мой и ружье.

Я милыхъ обнималъ.... но пушка вѣстовая
Сонъ тихій прервала, и въ сѣчу мнѣ летѣть!
И къ Варнѣ (2) понеслась дружина удалая..,.
Иль тамъ мнѣ умереть?

---

(1) Рѣчка во Владимірской губерніи.
(2) Турецкая крѣпость въ Булгаріи при заливѣ Чернаго моря.

СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится....вѣрно мать—

И залилася я слезами.

Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ;
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на земли (1)?
И колыбели я не знала:
У храма сельскаго когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала.
Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ.
Скитаюся одна! вездѣ чужія лицы (2);
Слыву въ деревнѣ сиротой.

---

(1) Лица.
(2) Вм. землѣ.

Подружки лѣтъ моихъ, окружныхъ селъ дѣвицы,
Стыдятся звать меня сестрой.
И люди добрые сиротку не пускаютъ:
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой.
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю:
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.

И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ нечужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.
И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть можетъ, мать моя роняла,
Когда меня въ чужбинѣ оставляла.
Одна между кустовъ, въ тѣни березъ густыхъ,
Гдѣ спятъ покойники подъ свѣжею травою,

Брожу я съ тягостной тоскою;
Мнѣ плакать не о комъ изъ нихъ—
И между мертвыхъ и живыхъ,
Вездѣ, вездѣ я сиротою.
Уже пятьнадцать разъ весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;
Цвѣтокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.
Родная, гдѣ же ты? Увидимся ль съ тобой?
Придп; я жду тебя все также сиротою—
И все на камнѣ томъ—и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою!

РОМАНСЪ.

Есть тихая роща у быстрыхъ ключей;
И днёмъ тамъ, и ночью поетъ соловей;
Тамъ свѣтлыя воды привѣтно текутъ;
Тамъ алыя розы, красуясь, цвѣтутъ.
Въ ту пору, какъ младость манила мечтать,
Въ той рощѣ любила я часто гулять;
Любуясь цвѣтами подъ тѣнью густой,
Я слышала пѣсни и—млѣла душой.

Той рощи зеленой мнѣ вѣкъ не забыть!
Мѣста наслажденья, какъ васъ не любить!
Но съ лѣтомъ ужъ скоро и радость пройдетъ,
И душу невольно раздумье беретъ:
«Ахъ! въ рощѣ зеленой, у быстрыхъ ключей,
«Все такъ ли, какъ прежде, поетъ соловей?
«И алыя розы осенней порой
«Цвѣтутъ ли все также надъ свѣтлой струей?»

Нѣтъ: розы увяли, мутнѣе струя,
И въ рощѣ не слышно теперь соловья!
Когда же, красуясь, тамъ розы цвѣли,
Ихъ часто срывали, вѣнками плели.
Блескъ нѣжныхъ листочковъ хотя помраченъ,
Въ росѣ ароматной ихъ духъ сохраненъ,
И воздухъ свѣжится душистой росой.
Весна миновала — а вѣетъ весной.

Такъ памятью можно въ минувшемъ намъ жить,
И чувствъ упоенья въ душѣ сохранить.
Не вовсе же радости время возьметъ.
Пусть младость увянемъ; но сердце цвѣтетъ,—
И сладко мнѣ помнить, какъ пѣлъ соловей,
И розы, и рощу у быстрыхъ ключей!

МОЛОДАЯ УЗНИЦА (1).

Въ поляхъ блестящій серпъ зеленыхъ нивъ не жнетъ;
Янтарный виноградъ, въ ту пору, какъ цвѣтетъ,
Не долженъ хищныхъ рукъ бояться;
А я лишь начала, красуясь, разцвѣтать. . . .
И пусть мнѣ суждено слезъ много проливать,
Я съ жизнью не хочу разстаться.

Смотри мудрецъ на свѣтъ съ холодною душой!
Я плачу, и молюсь, и жду, чтобъ надо мной
Сквозь тучи звѣзды проглянули.
Есть дни ненастные, но красенъ Божій свѣтъ;
Не каждый сотъ душистъ; такого моря нѣтъ,
Гдѣ бъ вѣтры бурные не дули.

---

(1) Переводъ стихотворенія французскаго поэта Андре Шенье, умершаго на эшафотѣ въ первую французскую революцію. *Молодая узница* —одна изъ невинныхъ жертвъ, заключенныхъ въ тюрьму, гдѣ находился и поэтъ. Она тронула его своею молодостью, красотой и незаслуженнымъ несчастіемъ.

Надежда свѣтлая и въ долѣ роковой
Тревожитъ грудь мою плѣнительной мечтой,
Какъ ни мрачна моя темница.
Такъ вдругъ, освободясь отъ пагубныхъ сѣтей,
Въ поля небесныя счастливѣе, быстрѣй
Летитъ дубравная пѣвица (1).

Мнѣ рано умирать: покой даритъ мнѣ ночь,
Покой приноситъ день; его не гонятъ прочь
Ни страхъ, ни совѣсти укоры.
И здѣсь у всѣхъ привѣтъ встрѣчаю я въ очахъ,
Улыбку милую на пасмурныхъ челахъ
Всегда мои встрѣчаютъ взоры.

«Прекрасный, дальній путь мнѣ предстоитъ;
И даль, въ которую невольно все манитъ,
Передо мной лишь развернулась;
На радостномъ пиру у жизни молодой
Устами жадными до чаши круговой
Я только, только что коснулась.

Я видѣла весну; хочу я испытать
Палящій лѣта зной, и съ солнцемъ довершать
Теченье жизни я желаю.
Лилея чистая, краса родныхъ полей,
Я только видѣла блескъ утреннихъ огней;
Зари вечерней ожидаю.

«О смерть, не тронь меня! Пусть въ мракѣ гробовомъ
Злодѣи блѣдные, съ отчаяньемъ, стыдомъ,
Отъ бѣдствій думаютъ скрываться;
Меня жъ, невинную, ждетъ радость на земли,
И пѣсни нѣжныя, и поцѣлуй любви:
Я съ жизнью не хочу разстаться.»

---

(1) Т. е. *птица*.

Такъ въ узахъ я слыхалъ, самъ смерти обреченъ,
Прелестной узницы и жалобы, и стонъ, —
И думы сердце волновали.
Я съ лирой соглашалъ печальный голосъ мой,
И стонъ, и жалобы страдалицы младой
Невольно струны повторяли.

И лира сладкая, подруга тяжкихъ дней,
Быть можетъ, спрашивать объ узницѣ моей
Заставитъ пѣснію своею.
О! знайте жъ: радости плѣнительнѣй она;
И такъ же, какъ и ей, конечно смерть страшна
Тому, кто жизнь проводитъ съ нею.

РАЗБИТЫЙ КОРАБЛЬ.

День гаснулъ въ заревѣ румяномъ, —
И я, въ смятеньи думъ моихъ,
Бродилъ на берегѣ песчаномъ,
Внимая ропотъ волнъ морскихъ.

И я увидѣлъ межъ песками
Корабль разбитый погруженъ;
Онъ въ бурю шумными волнами
На дикій берегъ занесенъ.—

И влага мхомъ давно одѣла
Глубокихъ скважинъ пустоты;
Уже трава въ нихъ зеленѣла,
Уже являлися цвѣты.

Стремимъ грозой въ утесъ прибрежной,
Откуда и куда онъ плылъ?
Кто съ нимъ въ часъ бури безнадежной
Его крушенье раздѣлилъ?

Утесъ и волны, все молчало,
Все мракъ въ удѣлѣ роковомъ, —
Лишь солнце вечера играло
Надъ нимъ, забытымъ мертвецомъ.

И на кормѣ его сидѣла
Жена младая рыбака,
Смотрѣла въ даль, и пѣсни пѣла
Подъ томный ропотъ вѣтерка.

Съ кудрявой, русой головою
Младенецъ близъ нея игралъ,
Надъ звучной прыгалъ онъ волною,
А вѣтеръ кудри развѣвалъ.

Онъ нѣжные цвѣты срываетъ,
Лелѣя дѣтскія мечты;
Младенецъ радостный не знаетъ,
Что онъ на гробѣ рветъ цвѣты (*).

(*) Море, разбитый корабль, цвѣты, пѣсни, играющій младенецъ представляютъ связь смерти съ жизнію, гибель, беззаботность и наслажденіе жизнію, которая всегда беретъ верхъ и прикрываетъ слѣды смерти.

РОМАНСЪ ДЕСДЕМОНЫ (¹).

(Съ англійскаго).

Въ раздумьи бѣдняжка подъ тѣнью густою
Сидѣла, вздыхая, крушима тоскою:
«Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!»
Она свою руку на грудь положила
И голову тихо къ колѣнамъ склонила:
«О ива, ты ива, зеленая ива!»
Студеныя волны, шумя, тамъ бѣжали,
И стонъ ея жалкій тѣ волны роптали:
«О ива, ты ива, зеленая ива!»
Горючія слезы катились ручьями,
И дикіе камни смягчались слезами.
«О ива, ты ива, зеленая ива!»
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ.

(¹) Героини извѣстной трагедіи Шекспира Отелло.

НАСЪ СЕМЕРО.

(Изъ Ворстворта съ англійскаго).

Радушное дитя,
Легко привыкшее дышать,
Здоровьемъ, жизнію цвѣтя,
Какъ можетъ смерть понять?

Навстрѣчу дѣвочка мнѣ шла:
Лѣтъ восемь было ей;
Ея головку облегла
Струя густыхъ кудрей.

И дикъ былъ видъ ея степной,
И дикъ простой нарядъ,
И радовалъ меня красой
Малютки милой взглядъ.

«Всѣхъ сколько васъ? ей молвилъ я,
«И братьевъ и сестеръ?»
— Всего? насъ семь; — и на меня,
Дивясь, бросаетъ взоръ.

«А гдѣ жъ они?» — Насъ семь всего,—
Въ отвѣтъ малютка мнѣ:
Насъ двое жить пошли въ село,
И два на кораблѣ,

И на кладбищѣ братъ съ сестрой
Лежатъ изъ семерыхъ,
А за кладбищемъ я съ родной,
Живемъ мы подлѣ нихъ. —

—«Какъ? двое жить въ село пошли,
Пустились двое плыть,
А все васъ семь! Дружокъ, скажи,
Какъ это можетъ быть?»

—Насъ семь, насъ семь!— она тотчасъ
Опять сказала мнѣ:
Здѣсь на кладбищѣ двое насъ
Подъ ивою въ землѣ. —

—«Ты бѣгаешь вокругъ нея,
Ты, видно, что жива;
Но васъ лишь пять, дитя мое,
Когда подъ ивой два.»

— На ихъ гробахъ земля въ цвѣтахъ,
И десяти шаговъ
Нѣтъ отъ дверей родной моей
До милыхъ намъ гробовъ.

Я часто здѣсь чулки вяжу,
Платокъ мой здѣсь рублю,
И подлѣ ихъ могилъ сижу,
И пѣсни имъ пою.

И если позднею порой
Свѣтло горитъ заря,
То взявъ мой сыръ и хлѣбъ съ собой,
Здѣсь ужинаю я.

Малютка Дженни день и ночь
Томилася больна;
Но Богъ ей не забылъ помочь,
И спряталась она.

Когда жъ ее мы погребли,
И разцвѣла земля,
Къ ней на могилу мы пришли
Рѣзвиться, Джонъ и я.

Но только дождалась зимой
Коньковъ я и саней,
Ушелъ и Джонъ, братишка мой,
И легъ онъ рядомъ съ ней.

«Такъ сколько жъ васъ?» былъ мой отвѣтъ.
«На небѣ двое, вѣрь!
«Васъ только пять.» »О, баринъ, нѣтъ!
Сочти — насъ семь теперь.

«Да нѣтъ ужъ двухъ. Они въ землѣ,
А души въ небесахъ!—
Но былъ ли прокъ въ моихъ словахъ?
Все дѣвочка твердила мнѣ:
— О нѣтъ, насъ семь, насъ семь! —

ИЗЪ ДАНТЕ (1).

Ударилъ часъ (2), когда готово измѣниться
Желаніе пловца, крушимаго тоской;
Въ тотъ день, какъ съ милыми друзьями онъ простится,
И любитъ онъ нѣжнѣй, и пальмникъ (3) молодой,
Услыша дальній звонъ, который будто плачетъ
О днѣ минующемъ, стремится къ нимъ душой.

---

(1) Данте—итальянскій *поэтъ* начала XIV столѣтія, извѣстный своимъ произведеніемъ «Божественная комедія» (Ta diuina comoedia). Этими стихами начинается восьмая пѣсня второй части его поэмы, которая раздѣляется на три части: *Адъ*, *чистилище* и *Рай*.

(2) Поэтъ говоритъ здѣсь о вечернемъ часѣ когда итальянскіе богомольцы, простясь съ друзьями, отправляются въ путь. Это печальное прощанье припоминается имъ и на чужбинѣ при вечернемъ звонѣ колокола.

(3) *Паломникъ*—пилигримъ, *богомолецъ*. Такъ назывались совершившіе путешествіе въ Іерусалимъ, откуда приносили *пальмовыя* вѣтви, съ которыми стояли за заутреней въ праздникъ «Входа въ Іерусалимъ».

НЕ НА ЯВУ И НЕ ВО СНѢ.

Фантазія.

Откинувъ думой жизнь земную,
Смотрю я робко въ темну даль;
Не знаю самъ, о чемъ тоскую,
Не знаю самъ, чего мнѣ жаль....

Волной, межъ камнями дробимой,
Лучемъ серебряной луны,
Зарею, пѣснію любимой,
Внезапно чувства смущены.

Надежда, страхъ, воспоминанья
Тѣснятся тихо вкругъ меня;
Души невольнаго мечтанья
Въ словахъ мнѣ выразить нельзя.

Какой-то мрачностью унылой
Темнѣетъ ясность прежнихъ дней;
Манитъ, мелькаетъ призракъ милый,
Плѣняя взоръ во тьмѣ ночей.

И мнится мнѣ: я слышу пѣнье
Изъ-подъ туманныхъ облаковъ....
И тайное мое волненье
Лелѣять сердцемъ я готовъ.

ДУБЪ.

Онъ видѣлъ вкругъ себя во всемъ красу природы;
Онъ думалъ, что она ему не измѣнитъ,
И дерзостно мечталъ, что вѣтеръ непогоды
Къ нему не долетитъ.

Не вдругъ небесный сводъ одѣлся черной тучей,
И ливнемъ хлынулъ дождь, и буйный ураганъ
Клубяся налетѣлъ, взвивая прахъ летучій,
И долъ покрылъ туманъ.

Зеленые кусты съ душистыми цвѣтами
Онъ съ корнемъ вырвалъ; свѣтлый ручеекъ
Закиданъ былъ землей, каменьями и пнями,
Изчезъ отрадный токъ (1).

Громъ грянулъ, молнія дубъ крѣпкій опалила,
Дубъ треснулъ, но грозой онъ не былъ сокрушенъ:
Еще осталась въ немъ стѣсненной жизни сила,
Хоть вянуть обреченъ.

---

(1) Токъ—потокъ, ручей; отъ слова *течь*.

Отрадной влаги нѣтъ, и нѣтъ земли родимой,
На коей выросъ онъ, красуясь межъ долинъ;
На голой ужъ горѣ теперь, судьбой гонимый,
Остался онъ одинъ.

Увы! надежды нѣтъ, и стрѣлы роковыя (1),
Бѣдой отравлены, все рушатъ и мертвятъ
Одни лишь небеса, какъ прежде голубыя,
Надъ гибнущимъ блестятъ.

И началъ сохнуть дубъ, но къ долу не склоненный,
Онъ вѣтви вознося, казалъ ихъ облакамъ,
Какъ будто бы своей вершиной опаленной
Стремился къ небесамъ.

СТИХИ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ (2).

НА ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО ВЪ АНГЛІИ.

Простясь съ родными и друзьями,
Лишенъ всего, что мило мнѣ,
Живу я, брошенный волнами,

---

(1) Т. е. солнечные лучи.

(2) См. примѣч. къ стих. Козлова Молодая Узница; А. Шенье передъ революціей служилъ при французскомъ посольствѣ въ Англіи.

Въ туманной дикой сторонѣ;
Одинъ, тоскою здѣсь томимый,
Сижу у мрачнаго огня,
И память родины любимой
Въ умѣ и сердцѣ у меня.
Ее я въ думахъ обнимаю,
Стремлюсь туда перелетѣть,
Минуты горестно считаю,
Давно хотѣлъ бы умереть,
И чтожь? въ удѣлѣ мнѣ враждебномъ
Здѣсь нѣтъ со мною никого,
Кто бъ, на лицѣ замѣтя блѣдномъ
Тревогу сердца моего
И слезы,—самъ моей тоскою
Душевно тронутый, сказалъ:
«Что, другъ мой милый, что съ тобою?
И руку мнѣ привѣтно сжалъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КРЕСТОНОСЦА.

Быль.

(Посвящается Шатобріану (1).

Молодой Готфридъ Шатобріанъ
Жилъ въ замкѣ надъ рѣкою,
Межъ горъ и добрыхъ поселянъ,
Съ прелестною женою.

Ихъ ночь тиха, ихъ ясенъ день,
Въ ихъ сердцѣ дышетъ радость,
Бѣжитъ отъ нихъ печали тѣнь,
Въ любви цвѣтетъ ихъ младость.

Вдругъ раздался священный зовъ,
И звукъ тревоги бранной (2)
Влечетъ туда, гдѣ гробъ Христовъ
Въ землѣ обѣтованной.

---

(1) Шатобріанъ—извѣстный французскій писатель, умершій въ 1848 году.
(2) Военной.

Богатый, бѣдный, старъ и младъ,
Всѣ строятся въ дружины,
Не страшенъ имъ ни зной, ни хладъ,
Ни степи, ни пучины.

И витязь смотритъ на коня:
«О, милый край отчизны,
«Пріютъ домашняго огня,
«И нѣга мирной жизни!

«Проститься съ вами долженъ я,
«А ты, мой другъ прелестный,
«Не унывай, и за меня
«Молись въ тиши безвѣстной!»

И взялъ онъ мечъ и крестъ святой,—
И собралъ онъ дружину,
Простился съ милою женой, —
Готовый въ Палестину.

Помчался онъ, но все глядитъ
На замокъ свой родимый, —
И слезы на желѣзный щитъ
Ронялъ, тоской крушимый.

Въ далекій край онъ долетѣлъ,
Гдѣ бой кипитъ кровавый,
И въ блескѣ тамъ отважныхъ дѣлъ
Покрылся новой славой.

Межъ тѣмъ печальна и мрачна,
Жена его младая
Живетъ, слезамъ обречена,
О витязѣ (1) мечтая.

(1) Витязь—рыцарь.

И память съ нимъ веселыхъ дней
Слилась съ душевной мукой,
И мнится, витязь сталъ милѣй
Несносною разлукой.

Тепла въ ней вѣра, но крушитъ
Жестокихъ битвъ тревога:
«Нѣтъ, онъ не раненъ, не убитъ,
«Мой милый, ратникъ Бога.»

О, какъ любовь младую грудь
Томитъ мечтой своею!
И какъ вздохнуть, куда взглянуть,
Чтобъ не былъ онъ предъ нею!

Несется ль свѣжій вѣтерокъ,
И солнце догораетъ, —
На пасмурный она востокъ
Взоръ томный устремляетъ.

Взойдутъ ли звѣзды и луна
Надъ сонными волнами, —
О немъ бесѣдуетъ она
Съ луною и звѣздами.

Страшитъ ее въ тиши ночей,
Между гробницъ завѣтныхъ,
Видъ фантастическихъ тѣней
При стеклахъ разноцвѣтныхъ.

Объ немъ тамъ молится она,
И, мнитъ, какой-то силой
Невольно въ тайнѣ смущена,
Что видитъ образъ милый.

Что онъ мелькнулъ, и вдругъ изчезъ
Межъ дымными столбами,
Какъ на лазурной тьмѣ небесъ
Звѣзда межъ облаками.

Но время вѣчною стрѣлой
Летитъ, летитъ,—дружины
Идутъ одна вслѣдъ за другой,
Назадъ изъ Палестины.

И у прекрасной день и ночь
Надеждой сердце бьется;
Но какъ сомнѣнье превозмочь!
Все ждетъ, и не дождется.

Однажды вечеръ пламенѣлъ,
И горемъ духъ стѣснялся:—
Ей никогда ея удѣлъ
Мрачнѣе не казался.

Волнуясь вѣщею (¹) тоской
И страшными мечтами,
Къ иконѣ Дѣвы Пресвятой
Идетъ она съ слезами.

И вдругъ знакомый рогъ трубитъ,
И мостъ упалъ подъемный,
И внѣ себя она бѣжитъ,
Стремясь къ аллеѣ темной,

(¹) Предвѣщающею.

Гдѣ витязь шлемъ булатный свой,
Скочивъ съ коня, бросаетъ;
А пажъ—наѣздникъ молодой,
Съ сѣдла копье снимаетъ.

Не вѣритъ взору своему,
Летитъ,—и мужъ предъ нею,
И кинулась она къ нему
Безъ памяти на шею.

И витязь страстно обнималъ
Жену свою младую;
Счастливецъ! онъ благословлялъ
Любовь ея святую.

Уста дрожали на устахъ,
Объ сердце сердце билось;
Вдругъ—чудный блескъ въ ея очахъ,
Дыханье прекратилось.

Въ груди стѣсненной жизни нѣтъ;
Творецъ! убила радость
Все то, чѣмъ милъ намъ Божій свѣтъ:
Любовь, красу и младость!

И страшенъ, какъ жилецъ могилъ,
Былъ витязь овдовѣлый.
И мѣсяцъ трепетно свѣтилъ
На ликъ оцѣпенѣлый.

Сраженъ таинственной судьбой,
Отъ всѣхъ несчастный скрылся,
Съ житейскимъ (*) моремъ и съ земной
Надеждой онъ простился

(*) Т. е. со свѣтскою жизнію.

Обитель иноковъ стоитъ
Близь замка; тамъ въ молитвахъ,
Въ постѣ, слезахъ онъ жизнь таитъ,
Прославленную въ битвахъ.

Но часъ насталъ,—и съ нею вновь
Забылъ онъ сердца муки,
Въ томъ свѣтломъ мірѣ, гдѣ любовь
Не знаетъ ужъ разлуки.

МОЛИТВА.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья
И духъ мой томный обнови,
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.

Не страшны мнѣ мои страданья:
Они залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Іоанна чистоту,

Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа.

ПОЭЗІЯ ЯЗЫКОВА.

Языковъ родился въ 1803 году въ Симбирскѣ и до одинадцати лѣтъ прожилъ въ родительскомъ домѣ на берегахъ Волги, о которой въ послѣдствіи въ своихъ стихахъ вспоминалъ съ любовью. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ Петербургъ и отданъ въ Институтъ Горныхъ инженеровъ; окончательное же образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ. Здѣсь веселая студенческая жизнь вдохновила его. Своими звучными энергическими стихами онъ сталъ обращать на себя общее вниманіе и снискалъ дружбу всѣхъ тогдашнихъ молодыхъ поэтовъ; даже Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ таланта Языкова. Но при всемъ томъ нужно сказать, что содержаніе его пѣсенъ очень бѣдно; поэтъ тратитъ свой даръ на мимолетныя впечатлѣнія; недостатокъ прочувствованной мысли и повтореніе одного и того же утомляютъ читателя, не смотря на блестящій стихъ. Многочисленныя посланія Языкова выражаютъ болѣе личныя отношенія и потому также мало интересны для большинства. Поэтъ нерѣдко обращался и къ исторіи своего отечества, вдохновляясь патріотическимъ чувствомъ, и хотя здѣсь выказалъ онъ много жару, но всѣ его описанія выражены слишкомъ общими черта-

ми; по недостатку мѣстнаго колорита они не имѣютъ особеннаго значенія. Оставивъ университетъ въ 1829 году, Языковъ переселился въ Москву, но тамъ недолго могъ наслаждаться жизнію. Разстроенное здоровье заставило его заняться лѣченіемъ и перемѣнять климатъ. Но не помогло ему и пятилѣтнее пребываніе его за границею. Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1846 году. Въ послѣдніе годы онъ написалъ нѣсколько религіозныхъ стихотвореній, замѣчательныхъ по силѣ мысли и величію стиха. Они навсегда останутся украшеніемъ русской поэзіи.

ЧУЖБИНА.

1823.

Тамъ, гдѣ въ блескѣ горделивомъ
Межъ зеленыхъ береговъ
Волга вторитъ ихъ отзывомъ
Пѣсни радостныхъ пловцовъ,
И какъ Нилъ-благотворитель
На поля богатство льетъ,—
Тамъ отцовъ моихъ обитель,
Тамъ любовь моя живетъ!

Я давно простился съ вами,
Незабвенные края!
Подъ чужими небесами
Отцвѣтетъ весна моя;
Но ни въ громкомъ шумѣ свѣта,
Ни подъ бурей роковой,
Не слетитъ со струнъ (*) поэта
Голосъ родинѣ чужой.

(*) Древніе представители поэта съ лирою; этотъ же образъ повторяется и въ новѣйшей поэзіи.

Сладость жизни, другъ свободы,
Муза любитъ мой пріютъ.
Здѣсь, когда брега и воды
Подъ туманами заснутъ,
И какъ щитъ передъ сраженьемъ,
Свѣтелъ мѣсяцъ молодой
Съ благотворнымъ вдохновеньемъ
Легкокрылою толпой,

Изъ страны очарованья,
Въ ихъ эѳирной тишинѣ,
Утѣшители мечтанья
Ниспускаются ко мнѣ;
Предъ очами оживаетъ
Красота минувшихъ дней,
Сладко грудь моя вздыхаетъ,
Сердце бьётся, взоръ яснѣй!

Это ты, страна родная,
Гдѣ весенніе цвѣты
Мнѣ дарила жизнь младая!
Край прелестный—это ты,
Гдѣ видѣніемъ игривымъ
Каждый день мой пролеталъ,
Каждый день меня счастливымъ
Находилъ и оставлялъ!

Вы, холмы, лѣса, поляны,
Скаты злачныхъ (1) береговъ
И старинные курганы (2)—
Память смѣлыхъ праотцевъ—

---

(1) Зелепѣющихъ, покрытыхъ травою.
(2) Древнія насыпи и могилы.

Сохраненные вѣками,
Какъ свидѣтели побѣдъ,
Не притворными струнами (1),
Васъ привѣтствуетъ поэтъ!

Вашъ пѣвецъ въ чужбинѣ дышитъ
И одинъ во цвѣтѣ дней,
Долго, долго не услышитъ
Пѣсенъ волжскихъ рыбарей (2).
Долго грустный проблуждаетъ
Онъ по дальнимъ сторонамъ;
Долго арфа не сыграетъ
Пѣсни радостнымъ друзьямъ.

Ты, которая вливаешь
Огнь божественный въ сердца
И цвѣтами убираешь
Кудри юнаго пѣвца,
Радость жизни, другъ свободы
Муза лиры, прилетай
И утраченные годы
Мнѣ въ мечтахъ напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
Ты мила душѣ моей;
Мнѣ съ тобою не ужасна
Буря свѣта и страстей.
Я горжусь твоимъ участьемъ;
Ты чаруешь жизнь мою,—
И забытый рано счастьемъ,
Я утѣшенъ: я пою!

---

(1) Струнами лиры, которая въ поэтическомъ образѣ древнихъ представляетъ поэзію и вдохновеніе.
(2) Рыбаковъ.

МОЛИТВА.

1824.

Молю святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени;
Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

1829.

Въ послѣдній разъ приволье жизни братской (*),
Друзья мои, вкушаю среди васъ,

(*) Поэтъ оставляетъ Дерптъ и студенческую жизнь.

Сей говоръ чашъ, свободный дружбы гласъ,
Сей крикъ и шумъ, разливъ души бурсацкой (1),
Привѣтствуютъ меня въ послѣдній разъ.

За утро день засвѣтится мнѣ новый;
Свѣжо вздохнетъ младая грудь моя;
Веселыми очами встрѣчу я
Родимыя долины и дубровы....
Гдѣ жъ вы, мои разгульные друзья?

Могучій Богъ ведетъ меня далече
Отъ васъ, моихъ согражданъ–бурсаковъ:
Найду ли гдѣ поэзію трудовъ,
Нашъ дивный бытъ и пламенное вѣче (2),
Живую жизнь и мысли безъ оковъ?

О, будь же вамъ звѣздою путеводной,
Друзья мои, свобода юныхъ лѣтъ!
Да радостно, средь удалыхъ бесѣдъ,
Она хранитъ вашъ духъ своенародный
И сумрачный вамъ озаряетъ свѣтъ.

А мнѣ, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про васъ и Дерптъ, про милыя мѣста,
Гдѣ я гулялъ, младой и вдохновенный,
И съ вами пѣлъ: все мигъ и суета!

---

(1) Бурса - школа.
(2) Собраніе.

РАЗСВѢТЪ.

1830.

Не полонъ нашъ разгулъ, не конченъ пиръ ночной,
Не всѣхъ насъ обошелъ звукъ пѣсни круговой,
Не всѣмъ поднесены привѣтственныя чаши;
Смѣлѣй и радостнѣй заблещутъ взоры наши,
Смѣлѣй и радостнѣй воспламенится умъ,
Шумнѣе закипятъ избыткомъ чувствъ и думъ
И разбушуются живыя наши рѣчи.—
Но вотъ, златаго дня воздушные предтечи,
Краснѣютъ облаковъ прозрачныя струи:
Покинемъ шумъ суетъ, товарищи мои,
Прервемъ брянчанье чашъ и пѣсни удалыя!
Туда, гдѣ небеса просторнѣй голубыя,
И солнечный восходъ пышнѣе изъ-за горъ
Надъ скатами лѣсовъ и купами озеръ!
Туда, на высь холма! Тамъ, утренней прохлады
Въ живительныхъ волнахъ омоемъ наши взгляды:
Горячія уста и груди освѣжимъ,
Пойдемъ товарищи! Оттолѣ мы узримъ,
Какъ съ розовымъ лицомъ, съ веселыми очами,
Передъ широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и нѣгой убрана,
Красуется земля, возставшая отъ сна.

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА (1).

1830.

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей,
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

Тамъ, гдѣ на долъ съ горы отлогой
Разнообразно сходитъ боръ (2)
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой,
Гдѣ древнимъ садомъ окруженъ
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣетъ памятникъ почтенный
Елизаветиныхъ временъ (3),—

---

(1) Она разсказывала сказки Пушкину и Языкову, который еще студентомъ пріѣзжалъ къ нему къ гости въ деревню. Пушкинъ очень любилъ ее.

(2) Густой лѣсъ, сосновый и еловый, на сухомъ возвышенномъ мѣстѣ.

(3) Т. е. половины прошедшаго столѣтія.

Насъ, полныхъ юности и вольныхъ,
Тамъ было трое: два пѣвца,
И онъ краса ночей застольныхъ,
Кипѣвшій силами бойца,
Онъ, послѣ кинувшій забавы,
Себѣ избравшій ратный путь,
И освятившій въ полѣ славы
Свою студенческую грудь (1).

Вонъ тамъ—обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ (2),
И ты пришедшая къ столу.—

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
Къ своей веснѣ переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры
И звонъ стакана объ стаканъ.

Угаситъ ночь свои свѣтила,
Зарей алѣетъ небосклонъ;
Я помню, что-то намъ про сонъ
Давнымъ-давно ты говорила—

---

(1) Другъ Языкова и Пушкина, Вульфъ.
(2) Брашно—кушанье.

Напрасно! взялъ свое Токай (1),
Шумнѣй удалая пирушка;
Садись-ка, добрая старушка
И съ нами бражничать (2) давай!

Ты разскажи намъ, въ дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не такъ бывало! Слава Богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно (3); по-немногу
Все мудренѣй и мудренѣй.

И ты.... какъ дѣтство шаловлива,
Какъ наша молодость вольна,
Какъ полнолѣтіе умна,
И какъ вино краснорѣчива
Со мной бесѣдовала ты,
Влекла мое воображенье....
И вотъ тебѣ поминовенье,
На гробъ твой свѣжіе цвѣты!

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Предъ нимъ печальной головою
Склонюся; много вспомню я—
И умиленною мечтою
Душа разнѣжится моя!

---

(1) Токайское вино.
(2) Пировать, гулять.
(3) Перемѣнчиво.

ПОЭТУ.

1831.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:

Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово:

Иди ты въ міръ, — да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не ищи наградъ.
Привѣтно-ли сіяніе денницы,
Ужасенъ-ли судьбины произволъ:

Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!

И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ :
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ; (1)
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь — и будетъ вѣкъ свѣтло

Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ;
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердо взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ: дымъ и громъ

Разсѣчутъ ихъ — и жрецъ (2) отпрянетъ
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

КОНЬ.

1831.

Жадно, весело онъ дышетъ
Свѣжимъ воздухомъ полей :

---

(1) Намекъ на пророка Давида, который своими пѣснями смирялъ гнѣвнаго Саула.

(2) Въ образѣ жреца, приносящаго жертву, представляется здѣсь поэтъ.

Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь — и въ поле
Бурюногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущій глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ какъ вѣтеръ: круть-ли (1) встанетъ
На пути? отважный прянетъ (2) —
И на ней ужь. Ляжетъ ровъ
И потокъ клубится — мигомъ,
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ — и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избыткомъ силъ!
Ненадолго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Ненадолго жизнь и воля
Разомъ бурному даны,
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковыя...
Скоро, скоро подъ замокъ!
Тѣшь копыта удалыя,
Свой могучій бѣгъ и скокъ!

Снова въ дѣло, конь ретивый!
Въ збруѣ легкой и красивой,

---

(1) Крутизна, крутое мѣсто.
(2) Скакнетъ.

И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно-вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ.

1835.

Жизни баловень счастливый,
Два вѣнка ты заслужилъ,
Знать, Суворовъ справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ (1);
Не ошибся онъ въ дитяти:
Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена русской рати,
Гордъ, и радостенъ, и смѣлъ.

Грудь твоя горитъ звѣздами:
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ;
Воинъ съ млада знаменитый,
Ты еще подъ Шведомъ былъ
И на финскіе граниты

---

(1) См. біографическій очеркъ Д. Давыдова.

Твой скакунъ звучнокопытый
Блескъ и топотъ возносилъ.

Жизни бурно-величавой
Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекѣ — и къ намъ примчалась
Разрушительно-грозна (2).

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ восьми твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, впередъ!
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,

---

(2) Т. е. война французская въ 1812 г.

Это пламень очищенья,
Это фениксовъ (1) костеръ!

Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ (2)?

Вы отвѣдать русской славы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли!
Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу
У враговъ ты отнялъ славы,
Ты боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ во лбу!

Удальцевъ твоихъ налетомъ
Ты, ихъ честь, примѣръ и вождь,
По лѣсамъ и по болотамъ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,

---

(1) Фениксъ— баснословная птица, созданная фантазіею древнихъ, величиною съ орла, съ золотыми и красными перьями. По древнему вѣрованію, фениксъ черезъ каждыя пять сотъ лѣтъ прилеталъ изъ Индіи въ Египетъ, и здѣсь сожигалъ себя, изъ пепла же его рождался червь, который отъ дѣйствія солнечной теплоты, производилъ новаго феникса. Въ поэтическомъ слогѣ фениксъ выражаетъ *перерожденіе или возрожденіе.*

(2) Пустырь—опустѣвшее мѣсто.

Сквозь огни и дымъ пожара,
Мчалъ врагамъ, съ твоей толпой
Вездѣсущъ, какъ Божья кара,
Страхъ нежданнаго удара
И нещадный, дикій бой!

Лучезарна слава эта
И конца не будетъ ей;
Но такія жь многи лѣта
И поэзіи твоей:
Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно-летучій
И разгульно-удалой.

Нынѣ ты на лонѣ мира:
И любовь, и тишину
Намъ поетъ златая лира,
Гордо пѣвчая войну—
И какъ прежде громогласенъ
Былъ ея воинскій ладъ (1);
Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ,
Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ
Полный нѣги и прохладъ.

---

(1) *Ладъ*—согласіе музыкальныхъ звуковъ, гармонія.

ЕВГЕНІЮ АБРМАОВИЧУ БАРАТЫНСКОМУ (1).

1836.

Покинулъ лиру ты. Въ обычномъ шумѣ свѣта
Тебѣ не до нея. Я помню этотъ шумъ,
Я знаю этотъ шумъ. Онъ вреденъ для поэта:
Снотворно дѣйствуетъ на умъ!

Счастливъ, кто убѣжалъ изъ свѣтскихъ наслажденій,
Отъ городскихъ забавъ, превратностей и смутъ
Далеко въ тишь и глушь, въ приволье вдохновеній,
Въ душеспасительный пріютъ.

Иди же ты въ свои родимыя долины,
На свѣжіе луга поемныхъ (2) береговъ,
Подъ тѣнь густыхъ вѣтвей, гдѣ трели соловьины,
Гдѣ лепетаніе ручьёвъ.

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадутъ твоей душѣ и бодрость и просторъ,
И вдохновеніемъ, какъ было въ прежни лѣта,
Свѣтло заискрится твой взоръ.

---

(1) Поэтъ, современный Языкову; см. далѣе его характеристику.
(2) *Поемный*—временно покрываемый водою, какъ напр. берегъ Волги во время весеннихъ разливовъ.

И лиру ты возмешь, проспется золотая,
И снова запоетъ о жизни и любви;
И звуки полетятъ, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, другъ и братъ. Судьбу твою рѣшила
Поэзія. О, будь же вѣренъ ей всегда:
Она одна тебѣ прибѣжище и сила,
Она твой долгъ, твоя звѣзда!

И что же на землѣ и сладостнѣй и краше?
Дай руку мнѣ! Возстань съ возвышеннымъ челомъ,
И ради нашихъ музъ, и ради дружбы нашей
Явись на поприщѣ твоемъ!

Явись и торжествуй и славою своею
Обрадуй вновь Парнасъ (1) и оживи меня!
Да многіе пѣвцы изчезнутъ передъ нею;
Какъ снѣгъ передъ лицемъ огня!

НИЦА ПРИМОРСКАЯ.

1839.

Теперь, когда у насъ (2) природный старый другъ

---

(1) Гора въ Греціи, по вѣрованію древнихъ, жилище музъ. Въ поэтическомъ слогѣ Парнасъ изображаетъ поэзію.

(2) *У насъ* т. е. въ Россіи.

Морозовъ, и снѣговъ, и голосистыхъ вьюгъ,
Господствуетъ зима, когда суровый холодъ
Къ намъ въ домы просится и стукаетъ какъ молотъ,
Въ ихъ стѣны мерзлыя, когда у насъ земля
Сномъ богатырскимъ спитъ и блескомъ хрусталя
Осыпаны дубы и сосны вѣковыя;
Здѣсь (1) нѣтъ снѣговъ и бурь, здѣсь яркоголубыя
И повесеннему сіяютъ небеса;
Лимонные сады, оливные лѣса,
И роза милая, и пальма величава,
И знаменитый лавръ, и пышная агава
Открыто нѣжатся при шумѣ водъ морскихъ.
Благословенный край! Отрада для больныхъ!
Зимовье праведно хвалимое врачами!
И много здѣсь гостей! Ихъ цѣлыми семьями
Сюда изъ дальнихъ странъ сгоняетъ аквилонъ (2);
Здѣсь и россійскій князь, здѣсь и нѣмецкій фонъ,
И англійскій милордъ, ихъ жены, дѣти, слуги
Проводятъ мирныя приморскія досуги
На тепломъ берегу на ясномъ свѣтѣ дня;
Житье здѣсь хоть куда для самаго меня!
Здѣсь есть и для меня три сладостныя блага:
Уединенный садъ, видъ моря и малага.

---

(1) *Здѣсь* т. е. въ Ниццѣ.
(2) Аквилонъ или Борей—названіе сѣвернаго вѣтра.

ПЕРЕѢЗДЪ ЧРЕЗЪ ПРИМОРСКІЯ АЛЬПЫ.

1839.

Я много претерпѣлъ и побѣдилъ невзгодъ,
И страховъ и досадъ, когда отъ Комскихъ водъ (1)
До Средиземныхъ водъ мы странствовали, строгой
Судьбой гонимые окольною дорогой,
По горнымъ высотамъ, въ осенній хладъ и мракъ,
Мѣстами какъ нибудь, мѣстами кое-какъ,
Тащили мулы насъ и тощи и нерьяны:
То вредоносные миланскіе туманы,
И долгіе дожди, которыми Туринъ (2)
Тогда печалился, и грязь его долинъ,
Не давно выплывшихъ изъ бури наводненья;
То вѣтеръ съ сыростью, и скудость отопленья
Въ гостинницахъ, гдѣ блескъ, и пышность, и просторъ,
Хрусталь, и серебро, и мраморъ и фарфоръ,
И стѣны въ зеркалахъ, глазамъ большая нѣга.
А нѣтъ лишь прелести осенняго ночлега:
Продрогшимъ странникамъ нѣтъ милаго тепла;
То піемонтская пронзительная мгла,
И вдругъ, нежданая подъ небесами юга,
Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга,

---

(1) Озера.
(2) Городъ въ Сардиніи.

Которой пѣніе и сладостно подъ часъ
Намъ, людямъ сѣвернымъ, баюкавшее насъ,
Насъ встрѣтила въ горахъ, летая, распѣвая,
И славно по горамъ гуляла удалая!
Все угнетало насъ. Но берегъ! День встаетъ!
Италіанскій день! Открытый неба сводъ
Лазурью, золотомъ и пурпурами блещетъ,
И море свѣтлое колышется и плещетъ!

ІОГАННИСБЕРГЪ.

1839.

Изъ горъ, которыми картинный рейнскій край
Гордится праведно, плѣнительный, какъ рай,
Которыхъ имена далеко и далеко
По свѣту славятся честимыя высоко,
И радуютъ сердца, и движутъ разговоръ
На сѣверныхъ пирахъ, одна изъ этихъ горъ,
Не то, чтобъ цѣлостью громадныхъ стѣнъ и башенъ
Старинныхъ верхъ ея по нынѣ былъ украшенъ,
Не то, чтобъ рыцарей гнѣздившихся на ней
Исторія была древнѣе и полнѣй,
Была прекраснѣе воинская ихъ слава,
Одна изъ этихъ горъ, она по Рейну справа,

Вдали отъ береговъ, но съ волнъ его видна,
Иванова гора, достойно почтена
Всѣхъ выше славою: на ней растетъ и зрѣетъ
Вино первѣйшее; предъ тѣмъ виномъ блѣднѣетъ
Краса всѣхъ прочихъ винъ, какъ звѣзды предъ луной.
О, дивное вино! Струею золотой
Оно бѣжитъ въ стаканъ, не пѣнно, не игриво,
Но важно, весело, величественно, живо,
И охмѣляетъ насъ и нѣжитъ, такъ сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,
Что старецъ, о дѣлахъ минувшихъ разсуждая,
Воспламеняется, какъ радость молодая,
Припомнивъ день и часъ, когда онъ пилъ его
Въ кругу друзей, порой разгула своего.
Тамъ, тамъ у рейнскихъ водъ подъ липою зеленой
Такая благодать, что внукъ его ученый
Желалъ бы на свои студентскіе пиры,
Хоть изрѣдка, вина съ Ивановой горы.

МОРСКАЯ ТЕНЬ.

1839.

Море ясно, море блещетъ;
Но уже то здѣсь, то тамъ,
Тѣнь налетная трепещетъ,
Пробѣгая по зыбямъ;

Вдругъ поднимутся и хлынутъ
Темны водныя струи,
И высоко волны вскинутъ
Гребни бѣлые свои;
Буря будетъ, тучи грянутъ,
И пучина зареветъ.
Рыбаки проворно тянутъ
Неводъ на берегъ изъ водъ.
Грузно! Что ты, сине море,
Дало имъ за тяжкій трудъ?
Много ты въ своемъ просторѣ
Водишь рыбъ и всякихъ чудъ;
Много камней самоцвѣтныхъ,
Жемчуговъ и янтарей,
Драгоцѣнностей несмѣтныхъ,
Соблазняющихъ людей,
Въ роковой твоей пучинѣ,
Бережетъ скупое дно:
Что жъ ты дало ль море сине
Рыбакамъ хоть на вино?
Неводъ вытащенъ. Немного
Обитателей морскихъ:
Отъ сокровищъ бездны строгой
Нѣтъ подарковъ дорогихъ.
Вотъ лежитъ, блестя глазами,
Злой прожорливый мокой
Съ костоломными зубами!
Вотъ огромный блинъ морской
Красноносый, красногубый,
Съ отвратительнымъ хвостомъ,
Да скатавшагося въ клубы
На раздольѣ волновомъ,
Воза съ два морскаго сору,
И одинъ морской паукъ;
А тащили словно гору,

А трудились сотни рукъ!
Море стихло, море ясно;
Въ хрусталѣ его живомъ
Разъигрался день прекрасный
Златомъ, пурпуромъ, огнемъ;
Видомъ моря любоваться
Собралась толпа гостей.
Ей мѣшаютъ наслаждаться
Рыбаки: бѣгутъ за ней
И канючатъ, денегъ просятъ:
Бѣднякамъ изъ бездны водъ
Сѣти длинныя выносятъ
Непитательный доходъ!

БУРЯ.

1839.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ, и скрыли блистательный день;
И въ синюю бездну спустилась глубоко
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь:
Но бездна морская уже негодуетъ;
Ей хочется свѣта, и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна

Пространно и громко она забушуетъ.
Великую силу уже подымая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ,
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ свои смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ! Начинается буря.

КОРАБЛЬ.

1839.

Люблю смотрѣть на сине море
Въ тотъ часъ, какъ съ края въ край на волновомъ просторѣ,
Гроза рокочетъ и реветъ;
А побѣдитель волнъ, громовъ и непогодъ
И смѣлъ, и гордъ своею славой,
Корабль въ даль бурныхъ водъ уходитъ величаво!

МАЯКЪ.

1839.

Межъ моремъ и небомъ, на горной вершинѣ
Отважно поставленъ бросать по водамъ
Отрадный, спасительный свѣтъ кораблямъ,
Застигнутымъ ночью на бурной пучинѣ.

Ты волю благую достойно творишь:
Встаетъ ли свирѣпое море волнами,
Волнами хватая тебя, какъ руками,
Обрушить тебя въ глубину: ты стоишь!

И небо въ тебя, свѣтоноснаго, мещетъ
Свой громъ, раздробляющій горы: ты цѣлъ;
Онъ, словно какъ пыль, по тебѣ пролетѣлъ,
И бурное море тебѣ рукоплещетъ!

КЪ РЕЙНУ.

1840.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:
Онѣ, при вешнемъ (1) свѣтѣ дня,
Играя и шумя, летучимъ блескомъ полны,
Качали ласково меня.
Я видѣлъ яркія, роскошныя картины,
Твои изгибы, твой просторъ,
Твои веселые каштаны и раины,(2)
И виноградъ по склонамъ горъ,
И горы, и на нихъ высокія могилы
Твоихъ былыхъ богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувшихъ дней!
Я Волжанинъ: (3) тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда поднимется погодка верховая (4)
И бѣлый валъ заговоритъ!

---

(1) Весеннемъ.
(2) Рай-дерево.
(3) Родившійся на берегахъ Волги.
(4) Вѣтеръ противъ теченія рѣки.

А какова она, шумящихъ волнъ громада,
Весной, какъ съ выси (1) береговъ
Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда,
Чрезъ море водъ и острововъ!
По царству и рѣка.... Тебѣ привѣтъ заздравный
Ея, властительницы водъ,
Обширныхъ русскихъ водъ, простершей ходъ свой славный;
Всегда торжественный свой ходъ,
Между холмовъ, и горъ, и доловъ (2) многоплодныхъ,
До темныхъ Каспія (3) зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелѣетъ тысячи судовъ,
Идущихъ пестрыми, красивыми толпами
Подъ звучнымъ пѣніемъ пловцовъ;
Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, (4) дубравной,
Въ раздольи муромскихъ песковъ
Текущей царственно, блистательно и плавно
Въ виду почтенныхъ береговъ, —
И храмы древніе съ лучистыми главами
Глядятся въ ясны глубины,
И тихій благовѣстъ несется надъ водами,
Завѣтный голосъ старины!
Суры, красавицы, задумчиво бродящей,
То въ густоту своихъ лѣсовъ
Скрывающей себя, то на поляхъ блестящей
Подъ опахаломъ парусовъ;
Свіяги пажитной, (5) игривой и безсонной,

---

(1) Высь—вышина.
(2) Долинъ.
(3) Каспійскихъ водъ.
(4) Поемистый—временно покрывающій берега водою.
(5) Пажить—пастбище, луга, гдѣ пасутся стада. *Пажитный* —обильный пажитями.

Среди хозяйственныхъ заботъ,
Любящей стукъ колесъ (1), и плескъ неугомонный,
И гулъ работающихъ водъ;
Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біарміи (2) далекой,
Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобѣгъ (3),
Подъ кликами орловъ свои валы сѣдые
Катя въ кремнистыхъ берегахъ,
Несетъ желѣзо, лѣсъ и горы соляныя (4)
На исполинскихъ ладіяхъ;
Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
Не слышно въ говорѣ гостей,
Ссыпающихъ въ суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привѣтъ проворнаго, лихаго Черемшана,
И двухъ Иргизовъ луговыхъ,
И тихо-струйнаго, привольнаго Сызрана,
И всѣхъ и большихъ и меньшихъ,
Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ величавой,
Державной сѣверной рѣки,
Привѣты я принесъ тебѣ!..,. Теки со славой,
Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки:
Блистай, красуйся, Рейнъ! да ни грозы военной,
Ни пѣсенъ радостныхъ врага
Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенный
Твои покоитъ берега!

---

(1) Мельницъ.
(2) Перми
(3) Водобѣгъ—теченіе.
(4) Соль, добываемая въ Пермской губерніи.

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ.

1840.

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
Волна, и лучами прекраснаго дна
Блеститъ подвижная громада кристала,
И тихо, качаясь, идетъ на меня;
Вотъ, словно въ раздумьи, она отступила,
Вотъ, берегъ она подъ себя подкатила,
И выше сама поднялась и падетъ (1);
И громомъ, и пѣной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружитъ, и бросаетъ, и душитъ, и бьетъ....
И стихла. Мнѣ любо. Изъ грома, изъ пѣны
И холода, легокъ и свѣжъ, выхожу;
Живѣе мои выпрямляются члены;
Вольнѣе дышу, веселѣе гляжу
На берегъ, на горы, на свѣтлое море;
Мнѣ чудится, словно прошло мое горе,
И юность, такая жъ, какъ прежде была,
Во мнѣ встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распѣвать, красоваться готова,
Свободна, безпечна, рѣзва, удала.

---

1) Вмѣсто—*падаетъ*.

ЭЛЕГІИ.

I.

1841.

Богъ вѣсть, не втунѣ ли (1) скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ;
Печальный, трепетный и томный
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, кака птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.

II.

1843.

И тѣсно и душно мнѣ въ области горъ,
Въ глубокихъ вертепахъ, въ гранитныхъ лощинахъ
Я выросъ на свѣтлыхъ холмахъ и равнинахъ,
Привыкъ побродить, разгуляться мой взоръ!

(1) Втунѣ—напрасно.

Мнѣ своды небесъ чтобъ высоко, высоко
Сіяли открыты туда и сюда;
По краю небесъ чтобъ тянулась гряда
Лѣсистыхъ пригорковъ, синѣясь далеко,

Далеко! тамъ дышетъ свободнѣе грудь!
А горы да горы.... онѣ такъ и давятъ
Мнѣ душу, суровыя; словно заставятъ
Онѣ мнѣ желанный на родину путь!

——

III.

1843.

——

Въ тѣни громадъ снѣговершинныхъ,
Суровыхъ каменныхъ громадъ
Мнѣ тяжело отъ думъ кручинныхъ (1):
Кипитъ, шумитъ здѣсь водопадъ,
Кипитъ, шумитъ онъ безпрестанно,
Онъ усыпительно шумитъ!
Безмолвенъ лѣсъ, и постоянно
Пустъ, и невесело глядитъ:
А вонъ, охлопья (2) сѣрой тучи,
Цѣпляясь за лѣсъ тамъ и сямъ,

(1) *Кручинный*—печальный, горестный, тоскливый.
(2) *Охлопье*—клочки льну отъ пряжи. *Охлопья тучи*—метафорическое выраженіе.

Ползутъ пушисты и тягучи,
Вверхъ къ задремавшимъ небесамъ!
Ахъ, горы, горы! Прочь скорѣе
Отъ нихъ домой! Не ихъ я сынъ!
На Русь! Тамъ сердцу веселѣе
Въ виду смѣющихся долинъ!

ВЕСНА.

1843.

Великолѣпный день! На мягкой муравѣ
Лежу: ни облачка въ небесной синевѣ!
Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горный
Прохладой сладостной и нѣгой животворной
Струится въ грудь мою, и полонъ я весной!
И вотъ пѣвецъ (1) ея летаетъ надо мной,
И звуки надо мной веселые летаютъ!
И чувство дивное тѣ звуки напѣваютъ
Мнѣ на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному; глаза невольно закрываю:
Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

---

(1) Пѣвецъ весны—соловей.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ.

1845.

—

Блаженъ, кто въ мудрости высокой
Послушенъ сердцемъ и умомъ,
Кто при лампадѣ одинокой
И при сіяніи дневномъ
Читаетъ книгу ту святую,
Гдѣ явенъ Божескій законъ:
Онъ не пойдетъ въ бесѣду злую,
На путь грѣха не ступитъ онъ;

Ему не нуженъ путь разврата,
Онъ лишній гость на томъ пиру,
Гдѣ братъ обманываетъ брата,
Сестра клевещетъ на сестру;
Ему не нуженъ праздникъ шумный,
Куда не входятъ стыдъ и честь,
Гдѣ суесловятъ вольнодумно
Хула, злорѣчіе и лесть.

Блаженъ!... какъ древо у потока
Прохладныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ водъ
Стоитъ, и тѣнь его широка
Прохладу страннику даетъ,
И зеленѣетъ величаво
Оно, — красуяся плодомъ,
И своевременно, и здраво
Растетъ и зрѣетъ плодъ на немъ.

Таковъ онъ, мужъ боголюбивый:
Всегда, во всѣхъ его дѣлахъ
Ему успѣхъ, а злочестивый....
Тотъ не таковъ; онъ словно прахъ!...
Но злочестивый правъ не будетъ:
Онъ на судѣ не устоитъ,
Зане (1) Господь нелестно (2) судитъ
И беззаконнаго казнитъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

1845.

Дороже перловъ многоцѣнныхъ
Благочестивая жена!
Чувствъ непорочныхъ, думъ смиренныхъ
И всякой тихости полна,
Она достойно мужа любитъ,
Живетъ одною съ нимъ душой,
Она труды его голубитъ,
Она хранитъ его покой,
И счастье мужа — ей награда
И похвала, — и любо ей,
Что, межъ старѣйшинами града,

---

(1) Зане—потому что.
(2) Нелестно—безъ лести, безъ лицепріятік.

Онъ знатенъ мудростью рѣчей,
И что богатъ онъ чистой славой,
И силенъ въ общинѣ своей;
Она воспитываетъ здраво
И бережетъ своихъ дѣтей:
Она ихъ мирно поучаетъ
Благимъ и праведнымъ дѣламъ,
Святую книгу имъ читаетъ,
Сама ихъ водитъ въ Божій храмъ;
Она блюдетъ (1) порядокъ дома,
Ей милъ ея семейный кругъ,
Мирская праздность незнакома
И чуждъ безсмысленный досугъ.
Не соблазнятъ ея желаній
Ни шумъ блистательныхъ пировъ,
Ни вихрь полуночныхъ скаканій
И сладки рѣчи плясуновъ,
Ни говоръ пусто-величавый
Бездушныхъ, чопорныхъ бесѣдъ,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Не прелесть всяческихъ суэтъ.
И домъ ея боголюбивый
Цвѣтетъ добромъ и тишиной,
И дни ея мелькаютъ живо
Прекрасной, свѣтлой чередой;
И никогда ихъ не смущаетъ
Обуреваніе страстей:
Господь ее благословляетъ
И люди радуются ей.

---

(1) Блюсти—хранить.

САМПСОНЪ.

1846.

На праздникъ стеклися въ божницу (1) Дагона
Народъ и князья филистимской земли,
Себѣ на потѣху они и Сампсона
Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла,
Онъ думаетъ думу; давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала;

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!...

И Бога забылъ онъ, — и падшаго взяли
Сампсона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Сампсонъ;
Но выросли кудри его,—но смирился,
И Богу покаялся онъ,

(1) Въ храмъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели,—и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ;
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ.

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;
Онъ слышитъ бывалая сила въ немъ бродитъ,
Могучи его рамена (1).

«О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о мой Боже, послѣдней мольбѣ
Сампсона!» и крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Сампсона,
И страхомъ, и трепетомъ обдало ихъ,
И пала божница... и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ...

---

(1) Рамена—плечи.

ПОЭЗІЯ БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

Баронъ Дельвигъ родился въ Москвѣ въ 1798 году, получилъ образованіе вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ и началъ развиваться его поэтическій даръ. Изучивъ всѣхъ извѣстныхъ тогда русскихъ поэтовъ, онъ обратился къ иностраннымъ, нѣмецкимъ и латинскимъ, и изъ послѣднихъ особенно увлекся Горацiемъ, поэтомъ временъ Октавія Августа. Его плѣняли изящные образы древней поэзіи, простота и осязательность ихъ представленія, близость къ внѣшней природѣ, наконецъ самый гармоническій стихъ; все это въ его впечатлительной душѣ развивало стремленіе подражать древнимъ. Въ этомъ родѣ и были первые его поэтическіе опыты. Попытки свои продолжалъ онъ и въ послѣдствіи; но не могъ сравниться съ тѣми художниками-мастерами, которые въ своихъ подражаніяхъ такъ близко подходили къ природѣ и жизни древнихъ. Личность Дельвига, склонная къ нѣжной грусти и унынію, отражалась и въ его стихахъ; а этихъ чувствъ не знала древняя поэзія. Нѣкоторыя его подражанія хороши сами по себѣ, но не могутъ считаться образцовыми какъ подражанія древнимъ. Въ послѣдствіи Дельвигъ увлекся русскими народными пѣснями, которыя отличаются грустью, сродною его душѣ. Онъ сталъ подражать имъ; но и это подражаніе было несо-

всѣмъ удачно. Онъ мало былъ знакомъ съ русскою природою, не жилъ тою жизнію, какою живетъ народъ; потому и поэзія его не могла вытекать изъ живаго народнаго источника, какъ въ послѣдствіи вытекала поэзія Кольцова. Дельвигъ могъ подражать только внѣшности, выраженію народной пѣсни, давая ему тонъ грусти; но даже и тутъ оказывается искусственность, и тутъ видѣнъ баринъ, поддѣлывающійся подъ тонъ простолюдина, и непопадающій совершенно въ тактъ ему. Русскія пѣсни Дельвига можно разсматривать, какъ болѣе или менѣе хорошенькіе романсы, къ которымъ способнѣе всего былъ талантъ нашего поэта.

Дельвига называли друзья лѣнивымъ мудрецомъ, безпечнымъ поэтомъ, счастливымъ своею безпечностью, и онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такимъ въ жизни; его нельзя назвать дѣятельнымъ даже и на литературномъ поприщѣ: онъ писалъ очень немного. Онъ извѣстенъ также своею дружбою съ Пушкинымъ, который говорилъ, что никто на свѣтѣ не былъ ему ближе Дельвига. Дельвигъ умеръ въ 1831 году.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

I.

Пѣла, пѣла пташечка,
И затихла;
Знало сердце радости,
И забыло.

Что пѣвунья пташечка
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?

Ахъ! убили пташечку
Злыя вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги —
Въ лѣсѣ звѣри лютые
Да не люди!

II.

Ахъ ты ночь ли,
Ноченька!
Ахъ ты ночь ли
Бурная!
Отъ чего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ?
Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать,
Ноченька,
Какъ со мною
Молодцемъ,
Грусть злодѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ
Лютая,
Такъ глубоко
На сердцѣ:
Позабудешь
Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
Кланяться;

Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И безродный
Молодецъ,—
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

III.

РУССКАЯ СВАДЕБНАЯ ПѢСНЯ.

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
Какъ у насъ ли на крашеной,
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали:

«Вы слетайтесь, не медлите,
Въ путь дороженьку пустимся!
Красны дни миновалися,
Вдоволь вы наигралися;
Здѣсь не ждать же вамъ гибели
Отъ мороза трескучаго!

Государь ты мой, батюшка,
Государыня матушка!
Меня суженый сватаетъ,
Меня ряженый сватаетъ,
Поспѣшите, не мѣшкайте
Меня поѣзду выдайте,
Съ хлѣбомъ—солію, съ образомъ,
Съ красотой проходящею!
Мнѣ не вѣкъ вѣковать у васъ,
Не сидѣть же все дѣвицей
Безъ любви и безъ радости,
До ворчуньи ль до старости.

РОМАНСЫ.

I.

Одинокъ мѣсяцъ плылъ, зыбляся въ туманѣ,
Одинокъ водыхалъ витязь на курганѣ.

Свѣжихъ травъ не щипалъ конь его унылый:
«Конь мой, конь, вѣрный конь, не несется къ милой!

«Не къ добру грудь моя тяжко воздыхаетъ,
«Не къ добру сердце мнѣ что то предвѣщаетъ;

«Не къ добру безъ ѣды ты стоишь унылый!
«Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемся къ милой!»

Конь вздрогнулъ, и сильнѣй витязь возмутился;
Въ милый край, въ страшный край, какъ стрѣла, пустился.

Ночь прошла, все свѣтло: видѣнъ храмъ съ дубровой,
Конь заржалъ, конь взвился надъ могилой новой.

II.

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ,
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно—но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства,

Друзья мнѣ смѣялись, и свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая:
«Стыдись, восклицали, мечтатель—пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая!»

Война запылала, къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли:
Я съ ними—но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предчети побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали, я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...
Брань стихла, гдѣ жъ други? лежатъ на поляхъ,
Близь ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ,
Мнѣ тяжко веселье чужое.

ДОМИКЪ.

——

За далью туманной
За дикой горой,
Стоитъ надъ рѣкой
Мой домикъ простой;
Для знати жеманной
Онъ замкнутъ ключемъ,
Но горенку въ немъ
Отвелъ я веселью,
Мечтамъ и бездѣлью.
Они берегутъ
Мой скромный пріютъ.
Дана имъ свобода —
Въ кустахъ огорода,
На злакѣ луговъ
И древнихъ дубовъ
Въ тѣни молчаливой,
Гдѣ струйкой игривой
Сверкая бѣжитъ,
Бѣжитъ и журчитъ
Ручей пограничный:—
Съ заботой привычной
Порхать и летать,
И пѣснею сладкой
Въ мой домикъ украдкой
Друзей прикликать.

——

ГРУСТЬ.

Счастливъ, здоровъ я! Что жъ сердце груститъ?
Груститъ не о прежнемъ:
Нѣтъ! не грядущаго страхъ жметъ и волнуетъ его!
Что же? иль въ мигъ сей родная душа разстается съ землею?
Иль мной оплаканный другъ вспомнилъ на небѣ меня?

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ парнасскимъ (1) высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ)
Плететъ Амуръ съ Каменой (2) сладкогласной
Отъ раннихъ лѣтъ я пламень ненапрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

(1) Парнасъ— гора въ Греціи, гдѣ, по миѳологіи, было жилище музъ, богинь поэзіи.
(2) Камена — муза.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца Пировъ (1) я съ Музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

ПУШКИНУ.

Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи (2),
Осѣненный и миртомъ, и лаврами,
Майской ночью при хорѣ порхающихъ,
Въ сладкихъ грезахъ отвился отъ матери;

Тотъ въ совѣтахъ не мудрствуетъ; на стѣны
Побѣжденныхъ знамена не вѣшаетъ;
Столбъ кормами судовъ непріятельскихъ (3)
Онъ не краситъ (4) предъ храмомъ Ареевымъ (5)

---

(1) Баратынскаго, написавшаго поэму «Пиры».
(2) Древнее названіе южной Италіи. Это стихотвореніе написано въ подражаніе Горацію.
(3) Извѣстныя римскія *ростры*, составлявшія торжество побѣдителей.
(4) Вмѣсто: *украшаетъ*.
(5) Храмъ Марса, бога войны.

Флотъ съ несчетнымъ богатствомъ Америки,
Съ тяжкимъ золотомъ, купленнымъ кровію,
Не взмущаетъ двукраты экватора
Для него кораблями бѣгущими.

Но съ младенчества онъ обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.

И Паллада (*) туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ—и въ юности
Онъ уже видитъ священную истину
И порокъ, изъ-подлобья взирающій!

Пушкинъ! онъ и въ лѣсахъ не укроется;
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

УДѢЛЪ ПОЭТА.

II.

Юноша.

Сладко! Еще перечту! О, слава тебѣ, пѣснопѣвецъ!
Дивно глубокую мысль въ звучную ткань ты облекъ!
Въ чьихъ ты, счастливецъ, роскошныхъ садахъ надышался весною,
Гдѣ нажурчали ручьи говоръ любовный тебѣ?

(*) Минерва, богиня мудрости, искусствъ и войны.

Геній поэта.

Гдѣ? я нашелъ пѣснопѣвца на ложѣ недуга бѣднѣе
Старца Гомера (1), грустнѣе Тасса (2), страдальца любви!
Но я такимъ заставалъ и Камоэнса (3) въ дикой пещерѣ,
Такъ и Сервантесъ (4) со мной скорбь и тюрьму забывалъ!

ЭПИТАФІЯ.

(Надгробная надпись).

Что жизнь его была? тяжелый сонъ!
Что смерть? отъ грезъ ужасныхъ пробужденье:
Въ просонкахъ улыбнулся онъ
И снова, можетъ быть, тамъ началъ сновидѣнье!

---

(1) Древнѣйшій греческій поэтъ, создавшій Иліаду и Одиссею.
(2) Итальянскій поэтъ XVI стол., написавшій поэму «Освобожденный Іерусалимъ».
(3) Португальскій поэтъ XVI стол. извѣстный поэмою «Лузіада».
(4) Испанскій писатель XVI стол. прославившійся сатирическимъ романомъ «Донъ-Кихотъ».

ИДИЛЛІИ (1).

I

ДРУЗЬЯ.

Вечеръ осенній сходилъ на Аркадію (2). Юноши, старцы,
Рѣзвыя дѣти и дѣвы прекрасныя, съ ранняго утра
Жавшіе сокъ виноградный изъ гроздій златыхъ, благовонныхъ,
Всѣ собрался вокругъ двухъ старцевъ, друзей знаменитыхъ.
Славны вы были, друзья Палемонъ и Даметъ! О счастливцы!
Знали про васъ и въ Сициліи дальней, средь моря цвѣтущей;
Тамъ на пастушьихъ бояхъ хорошо искусившійся въ пѣсняхъ,
Часто противниковъ дерзкихъ сражалъ неотвѣтнымъ вопросомъ:
Кто Палемона съ Даметомъ славнѣе по дружбѣ примѣрной?
Кто ихъ славнѣе по чудному дару испытывать вина?
Такъ и теперь передъ ними, подъ тѣнью вѣтвистыхъ платановъ,
Въ чашахъ рѣзныхъ и глубокихъ вино молодое стояло,
Брали они по порядку каждую чашу, и молча
Къ свѣту смотрѣли на свѣтъ, обоняли и думали долго,

---

(1) Идиллією называется такое поэтическое произведеніе, въ которомъ представляется простая, сельская или пастушеская природа и жизнь.

(2) Центральная область въ южной Греціи.

Пили и судъ непреложный вмѣстѣ вину изрекали:
Это пить молодое, а это на долгіе годы
Въ прокъ положить, чтобъ внуки, когда соизволитъ Кронібнъ (1)
Вѣкъ ихъ счастливо продлить, подъ старость, за трапезой шумной
Пивши, хвалилися имъ, разсказамъ пришельца внимая.
Только жъ надъ винами судъ два старца, два друга скончали,
Вакхъ (2) языковъ разрѣшитель, сидѣлъ ужъ близь нихъ, и незримый
Къ дружеской тихой бесѣдѣ настроилъ сѣдаго Дамета:
«Другъ Палемонъ, съ улыбкою старецъ промолвилъ, дай руку!
Вспомни, старикъ, еще я говаривалъ, юношей бывши:
Здѣсь проходчиво все, одна не проходчива дружба?
Что же, слово мое не сбылось ли? Какъ думаешь, милый?
Что, кромѣ дружбы, въ душѣ сохранилъ ты? — Но я не жалѣю,
Вотъ Геркулесъ! не жалѣю о томъ, что прошло; твоей дружбой
Сердце довольно вполнѣ, и веду я не къ этому слово,
Нѣтъ, но хочу я — кто знаетъ?—мы стары! хочу я, быть можетъ
Нынѣ впослѣднее, все разсказать, что отъ самаго дѣтства
Въ сердцѣ ношу, о чемъ много говаривалъ, небо за что я
Рано и поздно молилъ, Палемонъ, о чемъ буду съ тобою
Часто бесѣдовать даже за Стиксомъ и Летой (3) туманной
Какъ мнѣ счастливымъ не быть, Палемона другомъ имѣя?
Матери наши, какъ мы, другъ друга съ дѣтства любили,
Вмѣстѣ познали любовь къ двумъ юношамъ милымъ и дружнымъ,

---

(1) Зевесъ, Юпитеръ.
(2) Богъ вина и веселья.
(3) Двѣ миѳологическія рѣки, раздѣлявшія міръ живущихъ отъ міра тѣней или преисподней.

Другъ другу младыя
Новыя тайны ввѣряя, священный обѣтъ положили:
Если боги мольбы ихъ услышатъ, пошлютъ одной дочерь,
Сына другой, то сердца ихъ, невинныхъ, невинной любовью
Крѣпко связать и молить Гименея (1) и бога Эрота (2),
Да уподобятъ ихъ жизнь двумъ источникамъ, вмѣстѣ текущимъ,
Иль виноградной лозѣ и сошкѣ прямой и высокой.
Вѣрной опорою служитъ одна, украшеньемъ другая;
Еслижъ двѣ дочери или два сына родятся, весь пламень
Дружбы своей перелить въ ихъ младыя, невинныя души.
Мы родилися: нами матери часто мѣнялись,
Каждая сына другой сладкомлечною грудью питала;
Впили мы дружбу, и первое что лишь запомнилъ я—ты былъ;
Съ первымъ чувствомъ во мнѣ развилася любовь къ Палемону.
Выросли мы—и въ жизни много опытовъ тяжкихъ
Боги на насъ посылали, мы дружбою все усладили.—
Скоръ и пылокъ я съ молоду былъ, меня все поражало,
Все увлекало;—ты кротокъ, тихъ и съ терпѣньемъ чуднымъ,
Свойственнымъ только богамъ, милосердымъ къ Япетовымъ дѣтямъ (3),
Часто тебя оскорблялъ я,—смиренно сносилъ ты, мнѣ даже,
Мнѣ не давая замѣтить, что я поразилъ твое сердце.
Помню какъ нынѣ, прощенья просилъ я и плакалъ, ты жъ, другъ мой,
Вдвое рыдалъ моего, и крѣпко меня обнимая,
Ты виноватымъ казался, не я.—Вотъ каковъ ты душою!
Ежели всѣ меня любятъ, любятъ меня по тебѣ же:
Ты сокрывалъ мои слабости; малое доброе дѣло

---

(1) Гименей—богъ брака.
(2) Эротъ—амуръ, богъ любви.
(3) Къ людямъ.

Ты выставлялъ и хвалилъ: ты былъ все для меня, и съ тобою
Долгая жизнь пролетѣла, какъ вечеръ веселый въ разсказахъ.
Счастливъ я былъ! не боюсь умереть! предчувсвуетъ сердце
Мы не надолго разстанемся:—скоро мы будемъ, обнявшись,
Вмѣстѣ гулять по садамъ Элисейскихъ (1), и съ новою тѣнью
Встрѣтясь, мы спросимъ: что на землѣ? все такъ ли какъ прежде?
Други, такъ ли тамъ любятъ, какъ въ старые годы любили?
Что же услышимъ въ отвѣтъ: по старому родина наша
Съ новой весною цвѣтетъ и подъ осень плодами пестрѣетъ,
Но друзей уже нѣтъ подобныхъ бывалымъ; нерѣдко
Слушалъ я,старцы, за полною чашей веселыя рѣчи:
«Это вино дорогое!—Его молодое хвалили
Славные други, Даметъ съ Палемономъ; прошли, пролетѣли
Тѣ времена! хоть ищи, не найдешь здѣсь людей имъ подобныхъ,
Славныхъ и дружбой, и даромъ чудеснымъ испытывать вина».

II.

ИЗОБРѢТЕНІЕ ВАЯНІЯ.

Въ кущу (2) ко мнѣ, пастухи и пастушки! Въ кущу скорѣе,
Старцы и жены, годами согбенныя! въ кущу васъ кличу!
Боги благіе меня, презрѣннаго дѣвой жестокой,

---

(1) Элисейскія поля—рай древнихъ.
(2) Куща—шалашъ, палатка;

Дивно возвысили! Слабые взоры мои усладились
Свѣтлымъ небеснымъ видѣньемъ! Персты мои совершили,
Смертные, дѣло безсмертное! Зовъ мой услышьте, бѣгите
Въ кущу ко мнѣ, пастухи и пастушки! Въ кущу скорѣе,
Старцы и жены» годами согбенныя! Къ чуду васъ кличу!»
Такъ по холмамъ и долинамъ бѣгалъ и голосомъ звонкимъ
Кликалъ мирно пасущихъ стада пастуховъ Іонійскихъ,
Ликидасъ юный, изъ розовой глины творившій искусно
Чаши, амфоры (1) и урны печальныя, именемъ славный,
Пламеннымъ сердцемъ несчастный!
несчастье!
Ликидасъ, всѣми любимый, былъ презрѣнъ единой пас-
тушкой,
Злою Харитой (2), которою онъ безразсудно плѣнился!
— Образъ Хариты! Харита живая! Харита изъ глины! —
Разомъ вскричали вбѣжавшіе въ кущу. Крики слилися
Въ радостный вой, восходящій до неба, и въ узкія двери,
Словно рѣка, пастухи потекли, толпа за толпою.
«Други, раздайтесь! имъ Ликасъ молвилъ.» Такъ, образъ
Хариты,
Дѣвы жестокой, вы видите! Боги сей подвигъ великій
Мнѣ помогли совершить, и глину простую въ небесный
Обликъ одѣли, но въ вѣчности ей отказали! Раздайтесь,
Други, молю васъ! Можетъ иной, въ тѣснотѣ продираясь,
Вдругъ безъ намѣренья ринуться прямо на ликъ сей, и
глину
Смять а меня еще въ злѣйшую долю повергнуть. Садитесь
Крайніе, вы же всѣ замолчите, вамъ чудо скажу я:
Много дней и ночей, томимъ безнадежной любовью,
Сна не зналъ я, пищи не бралъ и дѣла не дѣлалъ.
Словно призракъ печальный, людей убѣгая, блуждалъ я

---

(1) Амфора — чаша съ двумя ручками.
(2) Харита — нимфа, богиня граціи.

Вдоль по пустынному брегу морскому; слушалъ стенанье
Волнъ и имъ отвѣчалъ неутѣшнымъ рыданьемъ. Нынче
Ночью,—какъ и когда, не припомню,—упалъ на песокъ я,
Смолкъ и забылся. Къ утру, чувствую, теплой рукою
Кто-то плечо мое тронулъ и будитъ меня, и пріятно
На ухо шепчетъ! «Ликидасъ, встань! подкрѣпи себя пищей,
Въ кущу иди и за дѣло примися! Что сотворишь ты,
Вѣчной Кипридѣ (') въ даръ принеси: уврачуетъ богиня
Сердце недужное!» Взоры я поднялъ—напрасно! Поднялся—
Нѣтъ никого ни вблизи, ни вдали! Но совѣты благіе
Въ сердце запали послушное; въ кущу иду я и глину
Мну, и мягкій кусокъ отдѣливши, на кругъ повергаю;
Сѣлъ я, не знаю что дѣлать: по глыбѣ послушной безъ мыслей
Пальцы блуждаютъ, глаза не смотрятъ за ними, а сердце—
Сердце далеко, на гордость Хариты, несчастное, ропщетъ!
Вдругъ какъ лучемъ неожиданнымъ въ бурю, меня поразило
Что то знакомое: я встрепенулся, и сердце забилось.
Боги! на глинѣ я вижу очеркъ прямой и чудесный
Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожій!
Вижу: и кудри густыя, кругомъ завиваясь, повисли;
Мѣсто для глазъ ужъ назначено, пальцы жъ трудятся добраться
Въ мягкости чудной до устъ говорливыхъ! Съ этого мига
Я не знаю что было со мною! Пламя, не сердце
Билось во мнѣ, и не въ персяхъ, а въ цѣломъ разлитое тѣлѣ,
Съ темя до ногъ! И руки мои, и глина, и куща,
Дивно блистая, вертѣлись! Лишь помню: прекрасный младенецъ
Стрѣлой златою по глинѣ сверкалъ, придавая то гордость
Свѣтлому лбу, то понятливость взгляду, то роскошь ланитамъ;

---

(1) Венерѣ.

Кончилъ улыбкой, улыбкой заманчиво сладкой! Свершилось!...
Съ мѣста возсталъ я, закрылъ рукою глаза, а другою
Кудри свои захватилъ и подернулъ: хотѣлъ я скорѣе,
Боль почувствовать, все ли живу я узнать!—«Совершилось
Смертнымъ безсмертное!» Голосъ священный внезапно раздался:
«Эрмій, (1) раскуй Прометея! старецъ, утѣшься межъ славныхъ
Тѣней! Небесный огонь невотще похищенъ былъ тобою!
Пользой твое святотатство изгладилось! Ты же мгновенной,
Бренной красѣ даровавшій безсмертье, взглянь, какъ потомкамъ
Позднимъ твоимъ представятся боги, въ нетлѣнномъ сіяньи,
Камень простой искусствомъ твоимъ оживить въ ихъ подобьи,
Смертныхъ красой къ небесамъ восхищать и о Зевсѣ глаголать!»
Гдѣ я? стрѣла прорѣзала небо! Олимпъ (2) предо мною!
Ѳебъ—Аполлонъ, это ты! Тетива еще стонетъ,
Взоръ за стрѣлой еще слѣдуетъ, славой чело и ланиты
Блещутъ, лишь длань успокоилась, смерть со стрѣлою пустивши!
Мнѣ ли предъ вами стоять, о безсмертные боги! Колѣни
Гнутся, паду! Тебѣ я сей ликъ приношу, Киѳерея (3),

---

(1) Эрмій—Гермесъ или Меркурій, по миѳологіи, посланникъ боговъ и вожатый душъ умершихъ въ адъ. Его представляютъ красивымъ юношею, съ крыльями на головѣ и на пяткахъ, а въ рукѣ съ жезломъ, обвитымъ змѣями. Онъ, по волѣ Зевеса, приковалъ къ Кавказскимъ горамъ титана или полубога Прометея, за то, что этотъ похитилъ съ неба огонь и передалъ его людямъ, которые употребили его себѣ во благо.

(2) Олимпъ—гора въ Греціи, гдѣ, по миѳологіи, было жилище боговъ.

(3) Венера, по миѳологіи, рожденная изъ морской пѣны близъ острова Киѳеры.

Дивно изъ моря исшедшая въ радость безсмертнымъ и смертнымъ!
Слѣпну! Узрѣлъ я Зевеса съ Горгоной (¹) на длани могучей!
Кудри, какъ полные грозды, вѣнчаютъ главу золотую,
Въ легкомъ наклонѣ покрывшую вѣчный Олимпъ и всю землю!

(¹) Горгона одна изъ полубогинь-чудовищъ; отрубленная голова ея была на щитѣ Зевеса.

ПОЭЗІЯ БАРАТЫНСКАГО.

Баратынскій родился въ 1800 году въ деревнѣ Тамбовской губерніи Кирсановскаго уѣзда, воспитывался сперва дома, потомъ въ одномъ изъ казенныхъ училищъ; тамъ развились его прекрасныя способности; чувствительное его сердце устремилось ко всему изящному, а обширный умъ къ истинѣ и къ думѣ надъ вопросами важными, касающимися духовной жизни человѣка. Въ юности Баратынскій сблизился съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, которые пробудили въ немъ поэтическій талантъ и потомъ восхищались его поэзіей. Но Баратынскому мало удавалось проводить время съ друзьями: служба заставила его жить въ Финляндіи, гдѣ онъ скучалъ вдали отъ близкихъ сердцу. Уединеніе еще болѣе возбуждало въ немъ наклонность вдумываться въ жизнь, а горестныя обстоятельства болѣе выставляли передъ нимъ мрачную сторону этой жизни; самое общество, еще мало развитое, не могло удовлетворить и успокоить поэта. Умъ его почувствовалъ разладъ съ сердцемъ: онъ ищетъ глубокаго смысла въ жизни, возвышеннаго назначенія человѣка и находитъ въ противорѣчіи со всѣмъ этимъ окружающую дѣйствительность; а сердце чувствуетъ пустоту и проситъ полной жизни со всѣми ея благами. Отсюда у него развился печальный взглядъ на міръ; его поэзія отличается скорбью страдающей души. Онъ какъ будто мучитъ самъ себя разными тяжелыми мыслями и нигдѣ не видитъ ис-

хода къ утѣшенію. Зная, что древніе, мало знакомые съ наукою, находили наслажденіе въ жизни, онъ сталъ ошибочно представлять себѣ, что истина и наука вредятъ поэзіи, лишаютъ насъ очарованія, и въ то же время не могъ удержать постояннаго стремленія своего ума къ истинѣ, хотя и не ожидалъ отъ нея утѣшенія для сердца.

Въ 1825 году Баратынскій вышелъ въ отставку и могъ окружить себя друзьями и милыми сердцу, могъ дожить наконецъ до радостныхъ дней въ семейномъ кругу; но отъ своихъ мрачныхъ думъ онъ не могъ совершенно избавиться: такъ онѣ сроднились съ его душою; ему даже не хотѣлось вѣрить въ возможность земнаго счастія:

Дни печали,
Быть. можетъ, поздно миновали;
Съ тоской на радость я гляжу....
. . . . . .
Все мнится счастливъ я ошибкой
И не къ лицу веселье мнѣ.

Стихотвореній, изображающихъ радостныя мгновенья, у Баратынскаго очень мало. Стихъ свой характеризуетъ онъ такимъ образомъ:

Въ борьбѣ съ тяжелою судьбой,
Я только пѣлъ свои печали:
Стихи холодные дышали
Души холодною тоской.

Стихъ его въ самомъ дѣлѣ холоденъ: онъ болѣе дѣйствуетъ на умъ, чѣмъ на воображеніе и на чувство. Его фантазія рѣдко воспламеняется, чтобы

представить намъ мысль въ яркомъ поэтическомъ образѣ. Стихотворенія Баратынскаго приносятъ такое же наслажденіе, какое доставляетъ дѣятельность ума, возбужденнаго къ мысли; кто любитъ мыслить, тотъ съ удовольствіемъ задумается надъ нѣкоторыми его стихами.

Баратынскій умеръ въ 1844 году въ Неаполѣ.

ИСТИНА.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я,
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младыя сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

«Безуменъ ты и всѣ твои желанья»
Мнѣ тайный голосъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
За чѣмъ-же въ ней слѣпое сожалѣнье
Живетъ о старинѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я тяжкій жребій свой,
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) захочу
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.

«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь,
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой,
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.»

Я трепеталъ словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: о гостья не земная!
Печаленъ твой привѣтъ.

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Послѣднихъ благъ моихъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,

Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти.
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойдти.

Наслаждайтесь: все проходитъ!
То благой, то строгій къ намъ,
Своенравно рокъ приводитъ
Насъ къ утѣхамъ и къ бѣдамъ.
Чуждъ онъ долгаго пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: все проходитъ,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводитъ
Насъ суро́вая бѣда.
И веселью, и печали,
На измѣнчивой землѣ,
Боги праведные дали
Одинакія крилѣ (1).

---

(1) Старая форма Им. и вин. падежа двойственнаго числа — *два крыла*.

ПѢСНЯ.

Страшно воетъ, завываетъ
Вѣтръ осенній;
По поднебесью далече
Тучи гонитъ.

На часахъ стоитъ печаленъ
Юный ратникъ;
Онъ уносится за ними
Грустной думой.

О, куда, куда васъ, тучи,
Вѣтерь гонитъ?
О, куда ведетъ судьбина
Горемыку?

Тошно жить мнѣ: мать родную
Я покинулъ!
Тошно жить мнѣ: съ милой сердцу
Я разстался.

«Не грусти!» душа дѣвица
Мнѣ сказала,
«За тебя молиться будетъ
Другъ твой вѣрный.»

Я въ чужбинѣ
Дни скончаю.
Возвращусь-ли? взоръ твой друга
Не признаетъ.

Не видать въ лицо мнѣ счастья:
Жить на что мнѣ?
Дай пріютъ земля сырая,
Разступися.

Онъ поетъ; никто не слышетъ
Словъ печальныхъ....
Ихъ разноситъ, заглушаетъ
Вѣтеръ бурный.

Храни свое неопасенье,
Свою неопытность лелѣй;
Передъ тобою много дней:
Еще уловишь размышленье.
Какъ въ Смольномъ цвѣтникѣ (1) своемъ,
И въ свѣтѣ, сердцу будь послушной
И монастыркой благодушной
Останься долго, долго въ немъ,
Пусть для тебя преображаемъ
Игрой младенческой мечты,
Онъ вѣкъ не розритъ съ тихимъ раемъ
Въ которомъ разцвѣтала ты.

---

(1) Въ Смольномъ монастырѣ.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой,
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

Я слышу: свищетъ Аквилонъ (²),
Качаетъ елію скрипучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашенъ.

Зачѣмъ, съ безумнымъ ожиданьемъ,
Къ тебѣ прислушиваюсь я?
Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ то вѣщимъ трепетаньемъ?

Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Рѣчь безглагольную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

(¹) Сѣверный вѣтеръ.

ЭПИГРАММА (1).

Окогченная летунья,
Эпиграмма хохотунья,
Эпиграмма егоза,
Трется, вьется средь народа
И завидитъ лишь урода
Разомъ вцѣпится въ глаза.

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна (2),
Гдѣ, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Гдѣ солнце нехотя сіяетъ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ,
И моря ревъ, и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ;

---

(1) Стихотворная насмѣшка надъ кѣмъ нибудь называется эпиграммою.
(2) Финляндія.

Гдѣ отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ позабытъ молвой гремучей
Но все душой піитъ (1),
Своею Музою летучей
Онъ не былъ позабытъ!
Теперь, для сладкаго свиданья
Спѣшу къ странѣ родной;
Въ воображеньи край изгнанья
Послѣдуетъ за мной:
И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,
И вѣковые водопады,
И шумъ угрюмый ихъ!
Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ
Пустынную страну,
Гдѣ я въ размолвкѣ съ тихимъ счастьемъ
Провелъ мою весну.
Но гдѣ порою житель неба,
На перекоръ судьбѣ,
Не измѣнилъ питомецъ Феба (2)
Ни Музамъ, ни себѣ.

---

(1) Поэтъ.
(2) Аполлона; питомцами Феба называются поэты.

Рука съ рукой Веселье, Горе
Пошли дорогой бытія;
Но что? поссорились вскорѣ
Во всемъ несходные друзья!
Лишь перекрестокъ улучили,
Другъ другу молвили: прости!
Не долго розно побродили,
Чрезъ день сошлись въ концѣ пути!

Д. ДАВЫДОВУ.

Пока съ восторгомъ я внимаю
Повѣствованью славныхъ дѣлъ,
Ношу любовь къ родному краю
И къ пѣснямъ Музъ не охладѣлъ;
Покуда Русскій я душою,
Забудусь о счастливомъ днѣ,
Когда пріятельской рукою
Пожалъ Давыдовъ руку мнѣ!
О ты, который въ дымъ сраженій
Полки лихіе бурно мчалъ
И гласомъ пылкихъ пѣснопѣній

Сердца томилъ и волновалъ!
Такъ, такъ! покуда сердце живо
И трепетать ему не лѣнь,
Въ воспоминаньи, горделиво
Хранить я буду оный день.
Клянусь, Давыдовъ благородный,
Въ томъ лирой, Фебу дорогой,
И въ славный годъ войны народной
Въ народѣ славной бородой!

Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ,
Но не желай моихъ стиховъ:
Не многимъ избраннымъ понятенъ
Языкъ поэтовъ и боговъ:
Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,
Среди полей, рука съ рукой,
Кружатся юноши и дѣвы,
Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ
Хариты (1), вѣтреный Эротъ (2),
Дріады, (3) Фавны (4) пляшутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Воскликновеньями своими,
Поодаль Музы между тѣмъ

---

(1) Граціи.
(2) Богъ любви — Амуръ.
(3) Лѣсныя нимфы.
(4) Фавны — боги, покровители земледѣлія, по римской миѳологіи Поэты представляли ихъ съ козлиными рогами и съ козлинымъ отъ пояса туловищемъ и ногами.

Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ незримыя ни кѣмъ,
На ихъ невинныя забавы;
Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ.
Пѣвцу ли вѣтренно безславить
Плоды возвышенныхъ трудовъ,
И легкомыслiе забавить
Игрою гордою стиховъ?
И той нерѣдко, чье воззрѣнье
Даруетъ лирѣ вдохновенье,
Не повѣряетъ онъ его:
Поэтъ одинъ, подобный въ этомъ
Пчелѣ, которая со цвѣтомъ
Не дѣлитъ меда своего.

Чудный градъ порой сольется
Изъ летучихъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ изчезнетъ безъ слѣдовъ:
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Изчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Подъ бурею судебъ, унылый, часто я
Скучая тягостной неволей бытія,
Нести ярмо (1) мое утрачивая силу,
Гляжу съ отрадою на близкую могилу,
Привѣтствую, ее покой ея люблю
И цѣпи отряхнуть я самъ себя молю.
Но вскорѣ мнимая рѣшимость позабыта
И томной слабости душа моя открыта:
Страшна могила мнѣ; и ближніе, друзья,
Мое грядущее и молодость моя,
И обѣщанія въ груди сокрытой Музы,
Все обольстительно скрѣпляетъ жизни узы.
И далеко ищу, какъ жребій мой ни строгъ,
Я жить и бѣдствовать услужливый предлогъ.

---

(1) *Ярмо* или *яремъ*,—родъ хомута, надѣваемаго на шею рабочаго скота; въ поэтическомъ слогѣ—*бремя, тяжесть, несчастіе.*

Не ослѣпленъ я музою моею.
Красавицей ее не назовутъ!
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

ЧЕРЕПЪ.

Усопшій братъ! кто сонъ твой возмутилъ?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,
Я въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльный!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:
Ужасный видъ! какъ сильно пораженъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья! (¹)

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала.
Когда бъ тогда, когда бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благъ законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,
О человѣкъ! увѣрься наконецъ:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти, и мечты;
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ, и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушитъ
И отъ гробовъ отвѣта не получитъ:
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ.

(¹) Т. е. живой человѣкъ.

О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка:
Онъ свѣжій манитъ мотылька,
Прельщаетъ пчелку золотую,
Къ нему съ любовью мошка льнетъ
И стрекоза его поетъ;
Утративъ прелесть молодую
И чередой своей поблекъ —
Гдѣ пчелка, мошка, мотылекъ?
Забытъ онъ роемъ ихъ летучимъ,
А тутъ, зерномъ своимъ падучимъ,
Онъ зарождаетъ новый цвѣтъ.

Судьбой наложенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ и вновь
Я вижу васъ, родныя степи,
Моя начальная любовь.

Степнова неба сводъ желанный,
Степнова воздуха струи,
На васъ я въ негѣ бездыханной
Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатѣ двухъ холмовъ
И скромный домъ въ садовой чащѣ
Пріютъ младенческихъ годовъ.

Промчалось ты, златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ
И наблюдалъ людское племя
И наблюдая, возскорбилъ.

Ко благу пылкое стремленье
Отъ неба было мнѣ дано!
Но обрѣло ли раздѣленье,
Но принесло ли плодъ оно?..

Я братьевъ зналъ; но сны младые
Соединили насъ на мигъ;
Далече странствуютъ иные
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.

Я твой, родимая дуброва!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привелъ подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ.

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней милой, быть мой утая,
Другихъ урочищей (1) вселенной
Не буду помнить бытія.

Пускай о свѣтѣ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

---

(1) Урочище—межа, граница, образованная самою природою, какъ напр. рѣка, ручей, гора.

МАДОНА.

Близъ Пизы, въ Италіи, въ полѣ пустомъ
(Не зрѣлось жилья на полмили кругомъ)

Межъ древнихъ развалинъ стояла лачужка;
Съ молоденькой дочкой жила въ ней старушка

Съ разсвѣта до ночи за тяжкимъ трудомъ,
А все таки голодъ имъ часто знакомъ.

И дочка порою душой унывала,
Терпѣньемъ скудѣя, на Бога роптала.

Не плачь, не крушися ты, солнце мое!
Тогда утѣшала старушка ее.

Не плачь, перемѣнится доля крутая,
Придетъ къ намъ на помощь Мадона святая

Да лпкъ ея вѣру въ тебѣ укрѣпитъ:
Смотри какъ привѣтно съ холста онъ глядитъ!

Старушка смиренная съ рѣчью такою,
Бывало крестилась дрожащей рукою.

И съ теплою вѣрою въ сердцѣ простомъ,
Она съ умиленьемъ и кроткимъ лицомъ,

На живопись темную взоръ подымала,
Что уголъ въ лачужкѣ безъ рамъ занимала.

Но больше и больше нужда ихъ тѣснитъ,
Дочь плачетъ, старушка свое говоритъ.

Съ утра по руинамъ (1) бродилъ любопытный:
Забылся, красѣ ихъ дивясь, ненасытный.

Кровъ нуженъ ему отъ полдневныхъ лучей:
Стучится къ старушкѣ и входитъ онъ къ ней.

На лавку садился приплецъ утомлённый;
Но вспрянулъ, картиною вдругъ пораженный.

«Божественный образъ! чья кисть это, чья?
О какъ не узнать мнѣ! Корреджій, (2) твоя!

И въ хижинѣ этой творенье таится,
Которымъ и царскій дворецъ возгордится!

Старушка, продай мнѣ картину свою.
Тебѣ за нее я сто пьастровъ (3) даю.»

— Синьоръ, я бѣдна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую. —

«Я двѣсти даю, согласися продать.»
— Синьоръ, синьоръ бѣдность грѣшно искушать. —

---

(1) Руины—развалины.

(2) Корреджіо—одинъ изъ славнѣйшихъ историческихъ живописцевъ, жившій въ первой половинѣ XVI столѣтія.

(3) Серебряная монета въ Италіи, Испаніи и нѣкоторыхъ другихъ земляхъ.

Упрямства не могъ побѣдить онъ въ старушкѣ:
Осталась картина въ убогой лачужкѣ.

Но вскорѣ потомъ по Италіи всей
Летучая вѣсть разнеслася о ней.

Къ старушкѣ моей гость за гостемъ стучится,
И, дверь отворяя, старушка дивится.

За входъ она малую плату беретъ
И съ дочкой своею безбѣдно живетъ.

Прекрасно и чудно, о вѣра живая!
Тебя оправдала Мадона святая.

Мой неискусный карандашъ
Набросилъ видъ суровый вашъ,
Скалы Финляндіи печальной;
Средь нихъ, средь этихъ голыхъ скалъ,
Я дни весны моей опальной (1)
Влача, душой изнемогалъ.
Въ отчизнѣ я. Передъ тобою
Я самовольною мечтою
Скалы изгнанья оживилъ
И ихъ разсѣянно рисуя,
Теперь съ улыбкою шепчу я:
Вотъ гдѣ унылый я бродилъ,
И вѣру въ счастье отложилъ.

---

(1) Старое слово *опала*—немилость, гнѣвъ, преимущественно царскій; *опальный*—находящійся въ немилости. Поэтъ, называя свою весну или юность *опальною*, имѣетъ въ виду немилость судьбы.

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане (1) совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта,
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта.
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованье.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

---

(1) Союзъ изъ старославянскаго языка—*потому-что*.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье,
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего—
Творца оправдаетъ могила его (1).

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,
И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольнее долу отдавшій (2),
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ
И въ небѣ земное его не смутитъ.

---

(1) Т. е. онъ собою показалъ, для чего могъ быть созданъ человѣкъ.

(2) Все земное отдавшій землѣ—высказавшій все, что перечувствовалъ въ жизни, и что можетъ человѣкъ перечувствовать, созерцая жизнь.

ПОЭЗІЯ ЛЕРМАНТОВА.

Лермантовъ умеръ въ 1841 году, не имѣя и тридцати лѣтъ отъ роду. Біографія его до сихъ поръ никѣмъ не написана, а потому и обстоятельства его жизни намъ очень мало извѣстны. Судя по его поэзіи, мы можемъ только заключить, что свѣтское общество, въ которомъ онъ воспитался и жилъ, не могло дать ему успокоительнаго содержанія для жизни, не могло удовлетворить его своею пустотою, которой оно само не замѣчало. Душа поэта просила чего то высшаго, болѣе разумнаго, искала и не находила. Отсюда развивается его мрачное настроеніе, его иронія, его разладъ съ жизнію. Въ немъ кипѣли жизненныя силы, но не на что было устремить ихъ для благотворной дѣятельности, и онѣ устремлялись въ ту же пустоту, гдѣ растрачивались безъ всякой цѣли, сталкивая поэта со многими мелочами жизни и ставя его въ безпрестанное противорѣчіе съ ними. Онъ находитъ родственность въ мрачной поэзіи англійскаго поэта Байрона и отчасти подчиняется ея вліянію. Успокоительное дѣйствіе на него производила только природа; особенно же плѣняла его величественная природа Кавказа; здѣсь онъ какъ будто и дышалъ свободнѣе, и жилъ лучше. Здѣсь онъ видѣлъ жизнь дѣятельную, какая бы она ни была, жизнь посреди опасностей, къ которымъ привыкалъ человѣкъ, жизнь,

посреди которой не замѣчалось несносной мертвящей пустоты. Поэтъ будто отдыхалъ здѣсь, воспѣвая мрачное величіе Кавказа и тревожную жизнь горца. Трудно сказать, какое направленіе выработалъ бы себѣ Лермантовъ въ года болѣе зрѣлые; но нельзя не замѣтить, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ своего таланта онъ могъ обогатить русскую поэзію геніальными произведеніями. Онъ понималъ истинную красоту и умѣлъ выражать ее въ самыхъ художественныхъ образахъ; умѣлъ передавать глубокія чувства въ сильныхъ, сжатыхъ и изящныхъ выраженіяхъ.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Изъ Байрона.

1836.

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты (1) твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ,—
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ,—
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была уппитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

---

(1) Пальцы.

ДВА ВЕЛИКАНА.

1836.

Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ объ немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ (1).

---

(1) Подъ именемъ этого великана разумѣется Наполеонъ, заключенный на островѣ Св. Елены.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ (1).

1836.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена (2),—
А онъ пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ .. освистанный актеръ!
И кровь его течетъ—послѣднія мгновенья
Мелькаютъ,—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободный жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней!
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ,—прости, о, край родной!»

---

(1) Невольникъ или плѣнникъ, который для потѣхи римскаго народа выходилъ въ бой съ хищными звѣрями и въ случаѣ побѣды получалъ свободу.

(2) Сцена.

БОРОДИНО (¹).

1837.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

Да, были люди въ наше время
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля;
Немногіе вернулись съ поля....
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

(¹) Мѣсто битвы Русскихъ съ Французами въ 1812 г.

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ ([1]).
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужь мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужь постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ эдакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ ([2]) Французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ ([3]) открытый;
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

Укрѣпленіе, окруженное валомъ и рвомъ.

([2]) Ликовать—веселиться, торжествовать.

([3]) Бивакъ и бивуакъ—расположеніе войскъ для ночлега или отдыха въ полѣ подъ открытымъ небомъ.

И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга Царю, отецъ солдатамъ....
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
—И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій?...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...

Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять....
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри—не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

— —

МОЛИТВА.

1837.

— —

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,—
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастьемъ счастья достойную;
Дай ей сопутниковъ полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному міръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному (1)
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

——

СОСѢДЪ.

1837.

——

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
На вѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь—а послѣ тайной.

(1) Т. е. часу смерти.

Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И опершись на звучное ружье,
Нашъ часовой про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ,—

Тогда чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они—не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются....

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ, и слезы изъ очей,
Какъ звуки другъ за другомъ, льются.

ДУМА.

1837.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее иль пусто, иль темно,
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бѣздѣйствіи состарится оно.

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный,
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ радостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ;
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ни чѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

ПАМЯТИ А. И. ОД-ГО.

1839.

I.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
Поэзіи и счастья... Но безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной!
И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

3.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша,
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

4.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,

Кто скажетъ намъ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,
И думы,—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...

5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной ..
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—

6.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты....
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ, не умолкая.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(Восточное сказаніе.)

1839.

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ (1) между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей (2) зеленой.
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать!
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,

---

(1) Источникъ.
(2) Шалашъ, шатеръ.

Колеблемы вихремъ и зноемъ пальмы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?..
Не правъ твой, о Небо, святой приговоръ!..»

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межь твердыхъ гробовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали....
И, станъ худощавый къ лукѣ (1) наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса (2) вились въ безпорядкѣ,
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, наполнялися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

---

(1) Передняя часть сѣдла.
(2) Наѣздника.

Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ:
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный.
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ,
Не шепчатся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка (1) о тѣни онъ проситъ —
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

— —

(1) Мусульмане называютъ пророкомъ Магомета.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

1839.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья . . .
Оно — тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи :
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный,—

Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья :
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой (1);

(1) Т. е. музой—поэзіей.

Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?

Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть видѣнъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.

А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...

Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
Съ своимъ напѣвомъ заучённымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актёръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

———

РОДИНА.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ,
И взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь жолтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ берёзъ.

Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

1840.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей —
Приличьемъ стянутыя маски,
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суэту,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ

Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста, высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится — и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужь грудь мою:

Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.
Такъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незванную гостью,
О какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

1841.

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій

Въ изгнаньѣ мрачномъ и въ цѣпяхъ (1);
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ,—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
«Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча.—
Ты погибалъ... и Онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ Немъ,—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни Его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ Онъ одѣвалъ.
Одинъ, Онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.
А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ Онъ гордо погибалъ?

---

(1) Прахъ Наполеона, который перевезли съ острова Св. Елены въ Парижъ.

Вы потрясали власть, избранную какъ бремя...
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ Онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ Онъ въ залогъ роднаго сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ за синими морями,
Забытый, Онъ угасъ одинъ,
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ въ плащѣ своемъ походномъ,
Зарытъ наемною рукой...»

*

Но годы протекли, и вѣтрянное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился Онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ Него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ Нимъ!

*

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ—спокойствія и сна!

И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ Его лежитъ,
Какое въ Немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ Онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ Его, какъ Онъ непобѣдимый,
Какъ Онъ великій, океанъ!

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ.

1841.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ всѣ вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый, да панцырь (1) желѣзной.

---

(1) Панцырь—броня, кольчуга.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь непзмѣнный,
Шлема забрало (1)—рѣшотка бойницы, (2)
Каменный панцырь – высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

---

(1) Забрало—рѣшетка у шлема, закрывающая лице.
(2) Крѣпости.

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ (1).

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.
Но что жь?— отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять....

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южный;
Но ихъ разгонитъ гдѣ нибудь
Утёса каменная грудь . . .
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заёмный,
И ласки вѣчныя свои.

(1) Извѣстная писательница, недавно умершая.

* * *

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ.
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужь догорали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И между тѣмъ какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

СОНЪ.

1841.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана (¹),
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня,—но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчива одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

(¹) На Кавказѣ.

УТЕСЪ.

1841.

Ночевала тучка золотая
На груди утёса великана,
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ: задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

---

* * *

1841.

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый,
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара (*) стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой,
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочекъ дубовый,
«До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

«Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
«Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя,—
«Пріими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ;
«Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.»

—На что мнѣ тебя? отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара,
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужь и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю;
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ покорное море.—

(*) Дерево.

* * *

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюныя поля·
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу — природа молодѣетъ,
Но молодѣть лишь только ей:
Ланитъ покойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ, бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ,
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ

И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрёка
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ.

ВОЛНЫ И ЛЮДИ.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.
Волнамъ ихъ неволя и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ — волнъ холоднѣй!

НЕБО И ЗВѢЗДЫ.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны какъ счастье ребенка.
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды! вы ясны, камъ счастье мое!
«Чѣмъ ты несчастливъ?»
Скажутъ мнѣ люди.
— Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо, а я—человѣкъ!
Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ,
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы желалъ.—

ЭЛЕГІЯ.

Дробись, дробись волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ!
Я здѣсь! Стою близъ моря на скалѣ;
Стою, задумчивость питая,
Одинъ, покинувъ свѣтъ и чуждый для людей,
И никому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатка рыбарей;
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимный;
Семья безпечная сидитъ вкругъ огонька,
И внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымный.
Но я далекъ отъ счастья ихъ. Душой
Я помню блескъ обманчивой столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой...
И что жъ! — слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь,
Года погибшіе являются всечасно
И этотъ взоръ, задумчивый и ясный...
Твержу, твержу душѣ: забудь!...
Онъ все передо мной; я все твержу напрасно.
О, если бъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность, —
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ!
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность.
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла

Морщину лишнюю для стараго чела,
И отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала!
Кто чувствовалъ, какъ я, чтобъ чувствовать страданья!
Кто рано свѣтъ узналъ и съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!

КАВКАЗЪ.

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ,
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ;
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ;
Но мнилося мнѣ, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ;
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ,
Пять лѣтъ пронеслось все тоскуя по васъ,
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ, —
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ;
Люблю я Кавказъ!

КЪ КАВКАЗУ.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный,
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На Сѣверѣ въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы (1).
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.

---

(1) Т. е. Магометанп. Алла или Аллахъ—Богъ.

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ,
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружный зовъ отвѣтилъ,
И нынѣ здѣсь въ полуночномъ краю
Все о тебѣ мечтаю и пою.

ПОЭЗІЯ КОЛЬЦОВА.

Сынъ Воронежскаго мѣщанина, торговавшаго скотомъ, Кольцовъ родился въ Воронежѣ въ 1809 году. Семья, въ которой онъ росъ и воспитывался, не могла имѣть никакого понятія объ образованіи; отецъ его поспѣшилъ научить сына только тому, что необходимо для торговаго обихода, т. е. кое-какъ читать и писать. Такимъ образомъ одинадцати лѣтъ онъ уже кончилъ свое ученье и сталъ пріучаться къ торговлѣ, ѣздилъ по базарамъ съ прикащиками, которые закупали скотъ, и вмѣстѣ съ ними охранялъ этотъ живой товаръ въ степи. Она то своею безпредѣльностью и нѣкоторыми поэтическими картинами производила на мальчика сильное впечатлѣніе. Какъ онъ любилъ степь и восхищался ею—это видно изъ его пѣсенъ. По наружности не отличаясь ничѣмъ отъ другихъ мѣщанскихъ мальчиковъ, Кольцовъ однакожъ и въ эти годы выказывалъ необыкновенную натуру: его душа стремилась жить уже иною высшею жизнію. Едва научившись читать, онъ пристрастился къ чтенію, и съ жадностью читалъ все, что могъ купить на деньги, которыя получалъ отъ отца на игрушки и гостинцы. Это чтеніе наконецъ пробудило въ впечатлительномъ юношѣ его врожденную творческую способность: душа его почувствовала томительное стремленіе создать что-

нибудь свое. Послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ, онъ мало по малу сталъ вырабатывать себѣ оригинальный и гармоническій стихъ, выражая въ немъ свои чувства, жизнь и природу, которыя окружали его. На двадцать шестомъ году поэтъ-самоучка или, какъ называютъ его, поэтъ-прасолъ увидѣлъ въ печати свои лучшія пѣсни, которыя и доставили ему нѣкоторую извѣстность въ литературномъ кругу. На слѣдующій годъ (1836) разстроенныя дѣла отца заставили Кольцова ѣхать въ Москву и потомъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ познакомился съ извѣстными русскими писателями, и нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности же Пушкинъ, приняли въ немъ живѣйшее участіе, ласкали и ободряли его. Но онъ не могъ остаться въ ихъ кругу и долженъ былъ возвратиться на родину къ своимъ обычнымъ торговымъ занятіямъ. Познакомившись съ иными людьми и съ иною жизнію, Кольцовъ увидѣлъ себя одинокимъ среди своего прежняго общества. Каждое занятіе, если оно ведется честнымъ образомъ, не должно считаться унизительнымъ или презрѣннымъ, и Кольцовъ понималъ это; но его стало тяготить то мелкое торгашество, съ которымъ у насъ соединяются обманы и грязныя продѣлки; къ нимъ-то онъ питалъ страшное отвращеніе, и въ то же время одинъ не могъ идти противъ всѣхъ. Никто въ томъ обществѣ не понималъ его; нѣкоторые даже оскорбляли бѣднаго поэта своими выходками противъ *писаки*. Тутъ-то начинается для него тяжелая жизнь, страшная душевная борьба, мучительныя страданія при видѣ своего неисходнаго положенія. Слѣды всего этого носятъ многія изъ его пѣсень; въ нихъ выражается и скорб-

ное сердце, и въ то же время та удивительная сила духа, съ какою поэтъ боролся съ обстоятельствами жизни. Она то была причиною, что онъ удерживалъ себя отъ отчаянія и среди этой борьбы еще находилъ свѣтлыя минуты вдохновеннаго творчества. Всѣ образы, созданные имъ, дышатъ жизнію, выражая и русскую природу, и русскаго человѣка. Поэзія Кольцова и отличается этимъ художественнымъ представленіемъ русской простой жизни, со всѣми ея обстановками. Поэтъ нашелъ истинную поэзію тамъ, гдѣ другіе прежде и не замѣчали ея. Суровая борьба съ жизнію быстро сокрушила силы поэта и свела его въ молилу: онъ умеръ въ 1842 году, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

1834.

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные (1),
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.
На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.

Бахрамой, кисеёй
Принаряжена,
Молодая жена
Чернобровая
Обходила подругъ
Съ поцалуями,

(1) Накрытые.

Разносила гостямъ
Чашу горькова (1).
Самъ хозяинъ за ней,
Брагой хмѣльною (2)
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ подчуетъ;
А хозяйская дочь
Медомъ сыченымъ (3)
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичей.

Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ (4):
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ (5) намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ
Видѣнъ по снѣгу.

---

(1) Вина. Окончаніе *ова* вм. *ало* прилагат. им. Кольцовъ употребляетъ постоянно.
(2) Пивомъ.
(3) Медъ для питья.
(4) Говорятъ.
(5) Урóдитъ вм. уроди́тъ въ провинціальномъ говорѣ.

УРОЖАЙ.

1835.

Краснымъ полымемъ (1)
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелится.

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя (2) горъ;

Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась —
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

---

(1) Пламенемъ.
(2) Вмѣсто темени т. е. вершинъ горъ.

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго....

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома (1)
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ (2)
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали —
Богу-Господу
Помолилися;

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,

(1) Амбара или ларя .
(2) На возахъ.

Бороны зубьемъ
Порасчесывать....

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до̀ земли.

Словно божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается....

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,

Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

КОСАРЬ.

1836.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю....
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.

У меня ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю —
Все мнѣ спорится;
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью,
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку —
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю....
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое —
Заря алая,

Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума...
Ахъ вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!...

Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее —
И прости-прощай
Село рòдное (1)!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою
Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ пò Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!...

(1) Вмѣсто родно́е въ провинціальномъ выговорѣ.

Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась
Къ Морю Черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ (1)
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперегъ
Съ ней хотѣлося.

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ, съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошенная:
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохните,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ (2),

(1) Вдвоемъ.
(2) Копны—груды.

Намечу стоговъ—
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село—
Прямо къ старостѣ,
Не разжалобилъ
Его бѣдностью—
Такъ разжалоблю
Золотой казной!...

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

1837.

Сяду я за столъ,
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны–сохи,
Коня–пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ—
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

1837.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;

Отъ кручины думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу—
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце—сожигаетъ.

До поры, до время, (1)
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечь долой свалился!

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Розойдусь съ бѣдою—
Съ горемъ повстрѣчаюсь!

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ:
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ—гніетъ....

---

(1) Вм. до времени.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ.

ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

1837.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольцы (1)
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью (2)
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

---

(1) Вм. кольца.
(2) Выраженіе изъ русск. простонародной сказки.

Что шутя задумалъ—
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями—
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо—смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!

Во время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются;
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ—
И о кудряхъ зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется—
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой—
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

ВТОРАЯ ПѢСНЯ

ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

1837.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота—
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ,
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить—не поле
Пройти за сохою;
Кручину, что (1) тучу—
Не уноситъ вѣтромъ.

---

(1) Соотвѣтствуетъ сравнит. *какъ*.

Зла бѣда, не буря—
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Не уйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ...

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое (1):
Все—изъ рукъ вонъ—плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То—скосило градомъ,
То—сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ...

Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ—
Старыя лаптишки
Безъ онучь обуешь,

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь,

(1) Сердце.

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи
Пустъ не видятъ люди
Прожитова счастья.

ПѢСНЯ.

1838.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова—
Мужа старова?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемышное!

Небсь сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великій день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ — печаль,
На душѣ — тоску!

Поздно, ро́дные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется:

Не рости травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по̀-снѣгу!

ПУТЬ.

1839.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить. .

Кто же держитъ меня,
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до-сихъ-поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужь осѣдланъ (1) стоитъ.

Да на путь — по душѣ —
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ,
На людей поглядѣть;

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;

И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

---

(1) Осѣдлать,

ДУМА СОКОЛА.

1840.

Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить
Мою молодость
Ни на что губить?

Долго ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны;
Иль пути ему
Всѣ заказаны (1)?

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой мачихой
Самъ-собою жить?

Для чего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

(1) Запрещены.

Иль, зачѣмъ она
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой;

Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ?

Нѣтъ, ужъ полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть?

Со двора пойду,
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ,
Гдѣ ужъ Богъ велитъ!

ПЕРЕПУТЬЕ.

1840.

——

До чего ты моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что ужь шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что жъ теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?

Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть—
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную...

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы, гуляя, все потратили,
Молодую жизнь, до времени,
Какъ попало — такъ и прожили!

Сидѣть дома ботѣть, (1) старѣться,
Съ старикомъ отцомъ вновь ссориться,
Работать съ женой, хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать,

Хоть не такъ оно —не выгодно:
Но, положимъ —дѣлать нечево, (2)
Въ непогоду (3) —не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся...

Но вотъ тутъ скажи, какъ придется
По душѣ спросить, по совѣсти:
Кто пойдетъ за насъ? и гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?...

Куда глянешь—всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря—груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!

---

(1) Тучнѣть—жирѣть.
(2) Нечего.
(3) Въ бурю.

ВСЯКОМУ СВОЙ ТАЛАНТЪ.

1840.

Какъ женился я, раскаялся;
Да ужъ поздно, дѣлать нечево:
Обвѣнчавшись—не разженишься
Наказалъ Господь, такъ мучайся.

Хоть бы взялъ ее я силою!
Иль обманутъ былъ злой хитростью:
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ и талантливыхъ;
Да ни съ чѣмъ взять—видишь, совѣстно
Отъ своей родни — товарищей.

Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю—какъ водится:
И съ роднею, и съ породою,
Именитую, почетную.

И живемъ съ ней, только ссоримся,
Да роднею выхваляемся;
Да проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные..

• Теперь придетъ время тѣсное:
Что намъ дѣлать, жена, надобно?
— Какъ, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова?

«Ахъ жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,
Такъ зачѣмъ же мою голову
Ты сгубила, змѣя лютая?

Придетъ время, время грозное,
Кто поможетъ? куда дѣнемся?
— Самъ прожился мой безумный мужъ,
Да у бабы ума требуетъ. —

ДОЛЯ БѢДНЯКА.

1841.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная —
Не разымчива! (1)

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

(•) Разымчивый—охмѣляющій.

Изъ души ль порой
Радость вырвется —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

И бѣлъ ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною,
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Поэзія Жуковскаго.

	Стр
Характеристика	1
Къ К. М. С—ой.—1807	5
Цвѣтокъ. — 1810	—
Жалоба (съ нѣмец. *изъ Шиллера*) 1810	6
Желаніе (съ нѣмец. *изъ Шиллера*) 1810	7
Пѣвецъ. 1810.	8
Сиротка 1813.	10
Добрая мать	12
Добрый совѣтъ 1814	13
Голосъ съ того свѣта. 1815	14
Ночь, 1815.	15
Пѣсня *(Гдѣ фіялка мой цвѣтокъ)*. 1815	15
Пѣсня *(Розы разцвѣтаютъ)*. 1815	16
Весеннее чувство. 1815	17
Листокъ (*съ французскаго*). 1818.	18
Невыразимое. 1818.	19
Жизнь. 1818..	20
Близость весны. 1822.	23
Воспоминаніе. 1822.	—
Таинственный посѣтитель. 1822	—
Море. 1822	25
Ночной смотръ (*съ нѣмецкаго изъ Зейдлица*). 1836	26
Воскресное утро (*съ нѣмецкаго изъ Гебеля*). 1836.	28

Поэзія Дениса Давыдова.

Характеристика	33
Отвѣтъ	35
Пѣсня *(Я люблю кровавый бой)*.	36

Стр.
Челобитная 38
Гр. П. А. Строганову 39
Бородинское поле 40
Полусолдатъ 41
Море воетъ 44
Листокъ *(съ французскаго)*. 45
Вечеръ въ іюнѣ 46

Поэзія Козлова.

Характеристика 49
Буря 51
Къ морю 52
Кіевъ 55
Плачъ Ярославны *(изъ Слова о полку Игоревѣ)* 57
Къ радости 60
Княгинѣ З. А. Волконской 61
Сонъ невѣсты 63
Сонетъ святой Терезы 65
Добрая ночь *(съ англійскаго изъ Чильдъ Гарольда Байрона)* 66
Сонъ ратника 69
Сельская сиротка 71
Романсъ *(Есть тихая роща)*. 73
Молодая узница *(съ французскаго изъ Андре Шенье)* . . 74
Разбитый Корабль 76
Романсъ Дездемоны *(съ англійскаго)* 78
Насъ семеро *(съ англійскаго изъ Вордсворта)* 79
Изъ Данте *(съ итальянскаго)*. 82
Не на яву и не во снѣ. 83
Дубъ 84
Стихи *Андре Шенье* 85
Возвращеніе крестоносца 87
Молитва 92

Поэзія Языкова.

Характеристика. 97
Чужбина 1823. 99
Молитва *(Молю святое Провидѣнье)* 1824 102
Прощальная Пѣсня. 1829. . . . . —
Разсвѣтъ. 1830. 104
На смерть няни *А. С. Пушкина.* 1830 105

Стр.
Поэту. 1831. 108
Конь. 1831. 109
Д. В Давыдову. 1835 111
Е. А. Баратынскому. 1836. 115
Ница приморская. 1839. 116
Переѣздъ черезъ приморскія Альпы. 1839 118
Іоганнисбергъ 1839 119
Морская тоня. 1839 120
Буря. 1839 122
Корабль. 1839 122
Маякъ. 1839. 124
Къ Рейну 1840. 125
Морское купанье. 1840. 128
Элегіи 129
Весна 1843. 131
Подражаніе псалму. 1845 132
Въ Альбомъ. 1845. 133
Самсонъ 1846, ... 135

Поэзія Барона Дельвига.

Характеристика. 139

Русскія Пѣсни:

Пѣла, пѣла пташечка. 141
Ахъ ты ночь-ли 142
Русская свадебная пѣсня 143

Романсы:

Одинокъ мѣсяцъ плылъ 144
Сегодня я съ вами пирую, друзья. 145
Домикъ 147
Грусть 148
Н. М. Языкову 148
Пушкину. 149
Удѣлъ поэта. 150
Эпитафія. 151

Идилліи:

Друзья 152
Изобрѣтеніе ваянія 155

Поэзія Баратынскаго:

	Стр.
Характеристика	163
Истина	166
Наслаждайтесь, все проходитъ	168
Страшно воетъ, завываетъ	169
Храни свое неопасенье	170
Шуми, шуми, съ крутой вершины	171
Эпиграмма	172
Прощай, отчизна непогоды	—
Рука съ рукой Веселье, Горе	174
Д. Давыдову	—
Твой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ	175
Чудный градъ порой сольется	176
Изъ А. Шенье *(съ французскаго)*	177
Не ослѣпленъ я музою моею	178
Черепъ	—
О мысль! тебѣ удѣлъ цвѣтка	180
Судьбой, наложенныя цѣпи	—
Мадона	182
Мой неискусный карандашъ	184
На смерть Гете	185

Поэзія Лермантова:

Характеристика	190
Еврейская мелодія *(съ англійскаго изъ Байрона.)* 1836	192
Два великана 1836	193
Умирающій гладіаторъ 1836	194
Бородино	195
Молитва. 1837	198
Сосѣдъ. 1837	199
Дума. 1837	200
Памяти А. И. О-го. 1839	202
Три пальмы: 1839	205
Не вѣрь себѣ. 1839	208
Родина	210
Первое Января. 1840	211
Послѣднее новоселье. 1841	213
Плѣнный рыцарь. 1841	215
Графинѣ Растопчиной	217
Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою	218
Сонъ. 1841	219
Утесъ. 1841	220

Стр.
Дубовый листокъ оторвался. 1841. . . . . —
Когда весной разбитый ледъ 222
Ребенка милаго рожденье . . . . . —
Волны и люди 223
Небо и звѣзды. 224
Элегія *(Дробись, дробись волна)*. 225
Кавказъ 226
Къ Кавказу 227

Поэзія Кольцова.

Характеристика. 232
Крестьянская пирушка. 1834 236
Урожай. 1835 238
Косарь. 1836. 242
Раздумье селянина. 1837 246
Горькая доля. 1837. 247
Первая пѣсня Лихача Кудрявича. 1837 249
Вторая пѣсня 251
Ахъ зачѣмъ меня силой выдали. 1838. 253
Путь. 1839 254
Дума сокола. 1840. 256
Перепутье. 1840. 257
Всякому свой талантъ. 1840 259
Доля бѣдняка. 1841 260

Годы здѣсь выставлены только при тѣхъ стихотвореніяхъ, при которыхъ они означены въ полномъ собраніи произведеній нашихъ поэтовъ, откуда мы дѣлали свой выборъ.

191 91

Deacidified using the Bookkeeper proc
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnolog
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVA
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

CKMAN
DERY INC.
APR 91
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS
0002534667 1